

"Трофей (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

===== Агент. Сделка =====

Агенты, поставщики – как нас только не называют, скрывая под обезличенностью красивых слов жестокую суть вещей. Суть, заставляющую оставлять за спиной совесть, мораль и нравственность, и выходить на очередную охоту. Сколько их, совсем юных, невинных, таких простодушных прошло через мои руки? После пятого десятка перестал считать. Да и какая разница? Мое дело – перевезти товар из пункта А в пункт Б, рассортировать по качеству и доставить заказчику, не более того. Пороку, древнейшему нравственному недостатку, этому духовному дефекту, уродующему души, предаются все – такого не исправит ни одна система фракций, а уж тем более бессистемность и хаос афракционерского общества. Хорошо оплаченный порок – моя золотая жила, ведь сексуальное рабство на сегодняшний день – третий по прибыльности бизнес после продажи наркотиков и оружия на обширнейших изгойских территориях.

Ухмыльнувшись над внезапно одолевшими философскими мыслями, настороженно слежу за ней – молодая совсем девчонка в характерных обносках, давно потерявших цвет и форму. Длинные волосы мышиного цвета сплетены в тугую косу и повязаны сверху ветхой косынкой. Платье, явно с чужого плеча, все покрыто заплатами, но, на удивление, чистое – следит за собой, еще старается и тешит себя надеждой, что не опустится на самое дно сточной канавы, называемой трущобами – тем выше будет ее цена. Совсем скоро она будет даже не на дне – дно будет над ней.

- Она? – для верности уточняю у стоящего рядом невзрачного человека с испитым, покрытым отвратительного вида струпьями лицом. Мужчина быстро кивает головой в подтверждение моих слов, а протянутая грязная рука заметно трясется – то ли от вечного похмелья, то ли от страха за свою никчемную жизнь. В то, что эта дрожь связана с осознанием того, на что он подписывает свою юную, ничего не подозревающую соседку, я не верю. Все сознательное и человеческое, что в принципе могло бы быть у этого представителя самой низшей и отвратной касты в изгойском обществе, давным-давно вытравлено, выжжено, вырезано по живому долгими годами пустой, беспросветной жизни. Эти вырожденки готовы пойти на любое преступление ради жалкой подачки, на которую они смогут купить разве что еще одни смердящие обноски или несколько бутылок блевотного пойла. Брезгливо швыряю несколько мелких купюр под ноги ублюдку, с отвращением наблюдая, как он, рухнув на колени, униженно ползает по земле, старательно собирая все до последней.

- Остальное получишь, когда приведешь мне ее.

В моей базе появился еще один добровольный информатор, за ничтожную плату обрекающий девок на долгую и мучительную смерть. Очень долгую и предельно мучительную, ведь еще ни одна не возвращалась из темных, грязных лабиринтов самого мерзкого района Чикаго, пропитанного насквозь зловонием и смрадом гнилых людских душ.

Совсем юная, беззащитная, такая восхитительно беспечная. Угадывающаяся под бесформенной одеждой тонкая фигурка, легкая походка и огромные глаза, в которых даже с расстояния в десяток метров видна безнадежная тоска и навеки поселившееся там глухое уныние.

Заказчики готовы хорошо заплатить за молодое тело, поэтому шансов избежать уготованной участи у нее нет.

===== Эмбер. Похищение. =====

Комментарий к Эмбер. Похищение. Условная картинка к главе

<http://creu.ru/wp-content/uploads/2015/06/image0231.jpg>

Страдание никогда не прекращается,

мы просто делаем вид, что не страдаем,

для того, чтобы наши дети не плакали во сне.

Грегори Дэвид Робертс «Шантарам. Том 1»

Дождь льет уже второй час – тяжелые капли без устали барабанят по железной стене старого проржавевшего насквозь контейнера, ледяной струей стекая по смятой крыше на землю, чтобы затем слиться с такими же одиночными ручьями в полноводную реку, с шумом текущую по дороге. Прислонившись к дверному косяку, сижу у самого выхода и, не отрываясь, смотрю на улицу, с удовольствием ощущая капли дождя на лице, которые приносит поднявшийся к полудню ветер. Поднимаю глаза к небу – в хмурых тучах далеко на горизонте уже виден просвет – возможно там, в Дружелюбии, уже выглянуло солнце.

Взгляд вновь охватывает с детства знакомую улицу, которую я пытаюсь увидеть глазами нового, не подготовленного человека – самодовольного Эрудита или Дружелюбной хохотушки. Что они увидят там, где я вижу стремительно светлеющее небо и блеск омытых водой деревянных приставных лестниц?

Они увидят совсем другой Хинтерланд, как мы называем между собой эти места. Название досталось нашему городку от предпортового промышленного района, еще до войны застроенного унылыми зданиями фабрик и заводов, а сейчас превратившегося в одну огромную помойку. Единственными обитателями этих мест являются лишь крысы, облезлые, тощие псы и изгои. От порта нам остались контейнера, которые, поставленные друг на друга, образуют двухэтажные, вполне пригодные для неприхотливого обывателя квартиры. Гнилые, проржавевшие изнутри, промерзающие и продуваемые зимой насквозь, они считаются роскошью – некоторым и вовсе приходится довольствоваться хлипкими домишками из картонных коробок с целлофановой крышей.

Согласно исследованиям, о которых любит говорить бывший умник, а ныне изгой, сосед Крайс, человек проживает в трущобах, если у него нет хотя бы одного: чистой, пригодной к употреблению воды, исправной канализации, достаточного жилого пространства и права управлять своим жильем. Судя по отсутствию у нас абсолютно всего вышеперечисленного, мы живем даже не в трущобах, а на самом что ни на есть дне. Дне, из которого только один выход – в могилу. Для многих практически равноценная замена, если даже не улучшение.

Дождь льет уже второй час – тяжелые капли барабанят по железной стене контейнера, ледяной струей стекая со смятой крыши на землю, где подхватывают валяющиеся на земле тонны мусора, чтобы мутным потоком отнести их дальше, принеся взамен еще больше. Темная лавина нечистот несется по узкой улочке, омывая хаотичные строения – из камня, битого кирпича, потрескавшегося шифера, стекла, дерева, ржавого металла – всего, что можно найти на помойках по окраинам фракций. Если дождь не прекратится в ближайшее время, то и так практически забитая система стоков в очередной раз даст сбой, выплевывая на и без того грязные улицы мерзкие потоки канализационной вони, окутывающей весь район нестерпимым смрадом.

Я - изгой. Предупреждаю сразу, ведь не понаслышке знаю, как вы, чистенькие, сытые, бесконечно преданные своей системе фракционщики смотрите на нас, не имеющих ничего, кроме кучи тряпья и нечасто перепадающих подачек. Как презрительно отворачиваетесь, если ваш пресыщенный взгляд вдруг замечает в конце улицы одинокую фигуру с вечно голодными глазами; как брезгливо морщитесь и оглядываетесь в поисках бесстрашного патруля, опасаясь, видимо, что каждый из нас подобен брызжущему пеной бешеному псу, только и ждущему момента, чтобы напасть со спины. Но, поверьте, мы не сами выбрали себе такую жизнь. Да если бы вы только знали, что значит чувствовать себя изгоем, парией, отверженным! Каково это - с завистью и слезами на глазах смотреть на ваши теплые уютные дома, на спокойных детишек, уверенных в своей безопасности и неизменности полного холодильника еды. Каково сломя голову бежать от стаи бесстрашных мальчишек, которые с воплями и криками пытаются догнать, чтобы избить, облить грязью или извалить в помоях. Вам, защищенным символами фракций, многого не понять...

- Эмбер! Милая... - голос мамы, раздающийся из глубин нашего импровизированного дома-контейнера, еле различим среди шума дождя. Не договорив, она заходится болезненным кашлем.

Быстро сморгнув набежавшие слезы, упрямо поджимаю губы и иду к ней. Наверное, я никогда не смирюсь с таким положением вещей, с такой невероятной, глобальной несправедливостью! Моя мамочка, единственно близкий человек, бывшая Искренняя, вынуждена медленно угасать от пневмонии на самой окраине района трущоб. И кто-то считает эту систему мира идеальной?

- Что, мамочка? Пить? - еле сдерживая слезы от щемящей жалости и нежности, трогаю покрытый испариной лоб - снова температура. Дыхание, вырывающееся из ее красиво очерченных губ, хриплое и рваное, грудь тяжело вздымается в попытках захватить больше воздуха. Старательно, стараясь не пролить ни единой драгоценной капли, сливаю из водосборника - старой жестяной банки - дождевую воду в обколотую по краям кружку без ручки и прикладываю к сухим потрескавшимся губам. Мама, приподнявшись, жадно пьет, но, не сделав и пары глотков, начинает задыхаться. Откидывается обратно на старый продавленный матрас, и, широко открыв рот, пытается отдышаться. Даю ей время и снова подношу воду. Наконец, напившись вдоволь, она устало прикрывает глаза, а я, намочив ветхое полотенце, начинаю обтирать ее пылающий лоб. Холодная вода даст облегчение хотя бы на несколько минут.

Неравнодушные Отреченные пытались давать какие-то таблетки, но это лишь ненадолго оттянуло неизбежную крайнюю стадию болезни. Маме как никогда требуется больница Эрудитов с их новейшим оборудованием, лучшими лекарствами и опытными врачами, но представить, что кто-то возьмется лечить изгоя - невысказано.

Мои родители перешли из Искренности в Бесстрашие много лет назад. Папа, высокий, сильный, гордый мужчина был Бесстрашным по духу и сумел быстро вырваться на первые места рейтинга, но всего лишь одно ночное нападение недоброжелателей сделало его инвалидом еще до инициации. А таким дорога только одна - к изгоям. Мама, тонкая, ранимая, безнадежно влюбленная в него с детских лет, неразлучной тенью, не раздумывая, последовала за ним сначала из спокойной Искренности в безумную фракцию воинов, а затем и к изгоям. Отец трепетно оберегал ее, сумел получить должность водителя строительной техники и даже кровью и кулаками выбить один из контейнеров, которые они с мамой и обустроили под жилье. Но еще до моего рождения отец погиб в одной из частых уличных драк, которыми славятся недружелюбные улицы района отверженных. Мы остались с мамой вдвоем посреди огромного враждебного мира, в котором никому не было до нас дела.

Спокойная, умная, даже в наших диких условиях старающаяся следить за собой, мама стала уборщицей – лучшее на что может рассчитывать женщина-афракционерка. Тяжелая изнуряющая работа давала нам возможность не умереть с голоду, а по особо большим праздникам даже лакомиться кусочком сублимированного шоколада или парой конфет. Прижавшись друг к другу, накрывшись всем, что нашлось в нашем импровизированном домишке, мы слушали завывание ледяного ветра в щелях разваливающегося контейнера, и по очереди, растягивая удовольствием, кусали восхитительный, тающий, обволакивающий небо небывалым блаженством, шоколад. А потом засыпали, надеясь в душе, что завтрашний день будет не таким голодным, стылым и темным.

Скрип старой приставной лестницы заставляет мгновенно насторожиться и схватить со стола нож. Редкий гость в наших бараках является желанным.

- Эмбер, Софи, как вы?

В проеме открытой двери появляется грузная круглолицая фигура соседа – того самого Эрудита Крайса, живущего прямо под нами. Умный и добрый мужчина, давным-давно выгнанный из фракции за какие-то сомнительные эксперименты, так же давно взял нас с мамой под свое шефство, проявляя искреннюю заботу и внимание, подкармливая с трудом добытыми продуктами и не требуя взамен ничего, кроме простого человеческого общения. И эта тяга двух образованных людей, поставленных в тяжелейшие жизненные условия, не удивительна – “бывшие” всегда стараются держаться вместе. Практически вся наша улица, одна из самых относительно благополучных в квартале, состоит из бывших фракционщиков, выгнанных или ушедших самостоятельно. Больше всего здесь Бесстрашных-инвалидов, не забывших полученные навыки и с удовольствием взявших на себя обязанность оберегать хрупкий покой своих соседей. В остальные части города трущоб и бараков мы предпочитаем не соваться: выйти оттуда живым – всегда везение.

- Опять температура и кашель, – обреченно вздыхаю я, – уже не знаю, что и делать.

Растерявшийся Крайс тяжело вздыхает и бессильно качает головой. Оглядев наш абсолютно пустой стол, строго спрашивает:

- Ели сегодня что-нибудь? – и правильно истолковав мое угрюмое молчание, всплескивает руками, – а что же ко мне не пришла? Или на раздачу бы сходила – сегодня Отречение было, раздавали там что-то у фабрики.

- Ты же знаешь, что меня бы туда все равно не пустили – те, кто сильнее и наглее устраивает настоящий бой за кусок бесплатного хлеба.

- В следующий раз вместе пойдем.

Я согласно киваю – невысокий, но умудряющийся поддерживать неплохую форму мужчина действительно отличное подспорье – будет возможность хотя бы прорваться к границе с Отречением, где, при большом везении, можно попасть в число счастливчиков, которым перепадет корка постного серого хлеба. Безвкусного, грубого, но при мыслях о котором рот сам собой наполняется слюной.

Приблизившись к спящей маме, от чего пол под его ногами угрожающе закрипел, Крайс еще раз покачал кудрявой головой и, ободряюще похлопав меня по плечу, начал, кряхтя, спускаться вниз. В очередной раз, глядя ему вслед, с тоской спрашиваю – ну почему он, хоть и Эрудит, но не врач? Мужчина – техник, и, благодаря своей прошлой специализации, добился высшего блага – он машинист поезда – вершина карьеры в мире афракционеров.

Как всегда после его ухода на поблекшей от старости изрезанной клеенке стола остается немного мелких монет.

Шаткая приставная лестница жалобно скрипит подо мной – дождь закончился, и пора выходить. Грязный поток практически схлынул, оставив после себя горы разнообразного мусора. Сейчас, во время маминой болезни, оставившей нас без средств к существованию, вся надежда только на меня. И я не побрезгую покопаться в отходах, дабы найти дерево и бумагу для розжига самодельной печурки или предметы, которые можно продать – да что угодно, на что можно купить или обменять лишнюю корку хлеба. Голодные времена не располагают к щепетильности – я намерена выжить сама и вытащить маму, а также до последнего сберечь небольшой запас монеток, спрятанный в нехитром месте – под матрасом. Загребая выдавленными видами ботинками влажную грязь, иду вдоль заброшенных железнодорожных путей, до боли в висках сжимая зубы и уговаривая себя не думать о глобальном, а сосредоточиться на насущном – на своей задаче отыскать пригодное среди тонн помоев, заполнивших улицу.

Пластиковая тара, рваное тряпье, обрывки бумаг и строительный мусор вперемешку с битым стеклом – все это покрывает нашу улицу ровным слоем. Сколько ни убирай – грязные дождевые потоки приносят их вновь и вновь, как будто издеваясь над людьми, пытающимися из последних сил поддерживать подобие порядка. Раз за разом мы выходим на улицы со своим нехитрым скарбом и метем, убираем, голыми руками выносим грязь, чтобы хотя бы в собственном сознании не опуститься до уровня потерявших человеческих облик пьяниц. Да и “Теорию разбитых окон” никто не отменял – мы знаем о ней не по наслышке. Надо же, про теорию вспомнила – частые посиделки в компании умника дают о себе знать.

Взгляд натывается на мокрый обрывок газеты – огромный заголовок заставляет аккуратно вытащить промокшую насквозь бумагу из под кучи песка. “Выдвинутое в Совет предложение о возможном допуске подростков-изгоев на Церемонию Выбора будет рассмотрено в ближ...”. На этом текст обрывается, но и так понятно, что Совет из представителей высших чинов всех фракций будет, сидя в мягких кожаных креслах огромных кабинетов, с умным видом рассуждать – милостливо ли протянуть нам руку помощи или оставить подыхать. Комкаю в руке жалкий обрывок и швыряю подальше – лицемеры! Пожили бы хоть сутки здесь – даже рассуждать бы не стали!

Вороша длинной палкой кучи бесполезного хлама, не сразу замечаю стоящего вдалеке человека. Если бы в нашем обществе существовали касты – он был бы из самой низшей. Давно опустившийся, насквозь пропитый и больной, в давно нестираной одежде, он молча наблюдает, а затем начинает двигаться в мою сторону, тяжело припадая на изъеденную гангреной ногу. Оглядываюсь – улица пуста, а странный тип медленно, но верно приближается. Я, уже готовая быстрым шагом покинуть ставшую небезопасной улицу, останавливаюсь при звуках хриплого голоса.

- Эмбер! Ты же Эмбер? Это у тебя мать больна?

Несмело киваю, одновременно нащупывая в кармане платья неумело заточенную о камень полоску металла. Человек приближается, дружелюбно протягивая руки вперед, показывая, что они пусты. Лицо, изуродованное струпиями, растягивается в чересчур сладкой улыбке. Мужчина поспешно говорит:

- Ну слава богу нашел тебя! За лекарствами идешь?

- Куда? – от такого неожиданного поворота беседы, не нахожу ничего лучшего этого глупого вопроса.

- К старой электростанции, - мужчина, больше не делая попыток сократить расстояние, кивает куда-то вперед, - из Эрудиии на свалку пришла огромная машина со списанными экспериментальными вакцинами - поговаривают, там много антибиотиков. Я как узнал - сразу вас вспомнил.

Это обычная ситуация, когда на свалку скидывают практически пригодный товар; мы не так изнежены, как жители Чикаго, нам сгодится. Антибиотики, пусть и какие-то экспериментальные - это то, что мне нужно, как воздух. Я, конечно, в этом не разбираюсь, но, если сумею урвать несколько разных ампул - Крайс разберется. Все мое существо так и рвется сломя голову быстрее бежать туда, но въевшаяся привычка не доверять никому в этом мире, заставляет замяться. А если он врет? Тот район, да как, собственно, и любой, небезопасен. Но мама умирает, а у меня есть потенциальная возможность ей помочь. На чаше весов - ее жизнь, а я стою тут, рассуждаю. Годами сформированный инстинкт дикого зверька вопит об опасности и гонит прочь, но я усилием воли заставляю себя стоять на месте. Вспомнила - я знаю этого человека, он с соседней улицы, и это немного успокаивает орущий инстинкт самосохранения. Может, и правда пытается помочь, ведь, наверное, даже у загнанных в самую беспросветную мглу нищеты людей должно остаться что-то живое, человеческое.

Тогда я еще искренне в это верила.

Конечно, другого решения и быть не могло - надо идти, причем, срочно, пока все не растащили. Быстро поблагодарив заботливого соседа, ускоряю шаг по направлению к электростанции. Это всего в трех кварталах от дома, и я сумею быстро обернуться, чтобы к приходу соседа с работы вакцина была у меня. С радостно колотящимся сердцем шагаю по грязным улицам, постоянно увязая в грязевой каше, в которую превратилась дорога. Наконец-то появилась надежда. Ее лучики греют сердце, заставляя невольно улыбаться.

Спрятавшись за грудой битого кирпича, удивленно разглядываю свалку у станции - на самом виду стоит огромная белоснежная коробка со знакомым изображением глаза на крышке - знак Эрудитов. Немного удивляет полнейшая тишина и отсутствие желающих поживиться, но тут два варианта - либо там уже ничего нет, либо я первая. Если пусто - я ничего не теряю, но если там лекарство... захлестнувшая сознание надежда окончательно давит голос разума - мамочка, я помогу тебе! В последний раз оглянувшись, бегу к коробке. Нетерпеливо снимаю крышку и даже не успеваю разочарованно простонать, увидев внутри лишь камни, как кто-то резко закрывает мне рот и нос грязной тряпкой с приторно-сладким запахом. Судорожно пытаюсь сделать вдох, второй, а перед глазами все уже темнеет и расплывается. Чувствую, как грубые руки подхватывают мое оседающее тело, а потом уже не чувствую ничего...

===== Эмбер. Транзит. =====

Несколько толстых одеял надо мной практически не пропускают звуки, но только под этой уютной тяжестью можно спрятаться от стужи и пронизывающего зимнего ветра. Сейчас откину их и, вздрогнув на миг от холода, увижу мамочку, склонившуюся над миской воды и умывающую лицо...

Вместе с постепенно возвращающимся слухом, приходит и тошнота. И тут я будто бы вынырываю из глубокого сна - резко, разом осознаю, что я не в своей кровати. Потому что мое утро никогда не начинается со связанных за спиной рук и кляпа во рту. Дома, на продавленном, пахнущем соломой матрасе, не трясет, как здесь, из стороны в сторону, не слышен шум старого визжащего двигателя и страшные мужские голоса. А от тряски меня, лежащую на животе в каком-то узком пространстве, начинает мутить все сильнее.

Груда битых кирпичей, быстрая пробежка до помойки, белоснежная коробка, в которой должно было находиться самое ценное – списанные лекарства. А потом – грязная тряпка у рта и потеря сознания. Я вспоминаю все, как страшный сон, тут же понимая, что это – реальность.

Липкий страх, нахлынувший мгновенно, заставляет попытаться приподнять все еще тяжелую голову и простонать. Где я? Куда меня везут?

- О, очнулась, – звучит над головой мужской голос, – лежать, мы еще не приехали.

Одновременно с приказом сильная рука давит на голову, заставляя опустить ее на пол. Похоже, я еду связанная между сидениями машины. Снова приподнимаюсь и трясую головой – пусть хотя бы кляп уберут – мне плохо!!!

- Я сказал – не двигаться! – зло выкрикнул мужчина и ударил по голове.

Больше я не делала попыток приподняться, а только умирала от ужаса перед грядущей неизвестностью, периодически проваливаясь в странное состояние на грани яви и обморока. Запах бензина бьет в нос, старая дребезжащая машина подпрыгивает на каждом ухабе, заставляя меня с силой биться плечами и головой о сиденья. Я одинаково хочу, чтобы эта пытка наконец-таки закончилась, но и боюсь того, что начнется после. Зачем меня похитили? В голове сами собой вспоминаются самые отвратительные слухи, которые передавались шепотом на нашей улице. Я отчаянно отказываюсь в них верить, а неизвестность пугает до одури. Где же чертов Бесстрашный патруль, когда он так нужен? Почему не остановят, не проверят машину?

Наконец, машина с визгом останавливается, а меня от резкого торможения вновь кидает по полу, и я врезаюсь головой в пластик обшивки. Дверь автомобиля открывается, бесцеремонные руки подхватывают меня и вытаскивают. От резкой перемены положения, тошнота поднимается с новой силой, а перед глазами становится темно – действие снотворного, по-видимому, все еще дает о себе знать. Сама идти не могу, но этого и не требуется – меня просто с силой тащат к низкому покосившемуся строению, разбитому и полуразрушенному, как и все в нашем мире. Несмотря на слабость во всем теле, делаю отчаянную попытку – собрав все силы, пытаюсь вырваться и убежать, но похитители держат крепко.

- Куда собралась? – рывкает один из мужчин, – иди давай вперед. К новой жизни, – отвратительно смеется он.

У огромной железной двери мне, наконец, вынимают кляп и развязывают руки. Пока мужчины тащат по лестнице вниз, я отчаянно сопротивляюсь и кричу:

- Отпустите меня! Отпустите, я не... – даже не дав договорить, небрежно толкают в открытую дверь. Делаю по инерции пару шагов и тут же падаю от слабости на земляной пол. В комнате темно и тихо, а воздух в подвале душный и отдает сыростью.

Всхлипывая, оглядываюсь и, когда глаза привыкают к царившему полумраку, ойкаю от удивления – у стены расслабленно сидят три девушки. Свои, тоже изгои, тут же определяю я по их характерному виду – заношенной одежде, изможденным лицам и путанным, давно не мытым волосам.

- О, новенькая, – вяло констатирует сама старшая из них, мазнув по мне равнодушным взглядом, – мелкая совсем. Сколько тебе?

- Скоро шестнадцать, – шепчу ей, до сих пор еще не в силах поверить в происходящее.

- Молодая еще, – морщится она. Ее товарки никак не реагируют на наш разговор.
- Молодая для чего? – в конце фразы мой голос срывается в отчаянное всхлипывание.

Девушка все так же равнодушно пожимает плечами и прикрывает глаза.

- Для проститутки. Хотя, особым извращенцам наоборот, помоложе подавай, так что может и нормально.

Лениво приоткрыв глаза, несколько секунд оценивает мою реакцию, потом начинает хрипло смеяться.

- А ты думала, на кой черт тебя сюда притащили? В Эрудиты назначать? Будешь как все мы, уродов обслуживать и молиться каждый раз, чтобы не убили.

Даже не дослушав, вскакиваю на ноги и начинаю изо всех сил колотиться в железную дверь:

- Откройте! Выпустите меня!!!! Ну пожалуйста, откройте!!! Я хочу домой!!! У меня мама болеет, отпустите меня к ней!!!

Сбиваю руки в кровь, но колочу, стучу, пытаюсь обломанными, кровоточащими ногтями отжать дверь, но все тщетно. С течением времени крик становится все тише, удары получаются все слабее – нарастающее отчаяние поглощает с головой. Вконец обессилев, медленно оседаю на пол, всхлиывая и как в бреду повторяю одну и ту же фразу:

- Выпустите... Пожалуйста... Отпустите меня...

Все это время три изгойки сидели с отстраненным видом – видимо, каждая прошла через эту стадию отчаяния, и сейчас понимала, что все бесполезно. Но должен же быть какой-то выход! Так не бывает – чтобы человека просто забрали и продали в рабство. Так не бывает... Но все разом вспомнившиеся грязные слухи, ходившие о теневой стороне нашей и без того темной жизни, находят свое воплощение в реальности.

Еще где-то час или два я не могла успокоиться – плакала, металась, билась в дверь. А уже через несколько часов сидела, привалившись к стене в тупом оцепенении и равнодушно ждала конца. Все это время в подвале ничего не происходило – девицы просто сидели или спали, изредка выходя за небольшую перегородку в углу.

- Зачем мы здесь? – устало спрашиваю я, увидев, что сидящая у противоположной стены Старшая проснулась.

- Транзитный пункт. Сейчас наберут еще тушек и на рынок, продавать.

- На рынок? – ее слова воспринимаются всего лишь как страшная история, в котором нам, простым слушателям, ничего не грозит.

- Невольничий рынок, не знала что ли? Откуда ты, такая наивная?

- Из Бывших, – говорю я название своего района, в котором живут практически одни бывшие фракционщики.

- Ну понятно, – презрительно морщится девушка, – считай, королевой жила, жизни не знала. А я вот второй раз уже этим уродам попалась, по дурости. Первый раз сбежать смогла, а вот

сейчас, наверное, не получится.

- Почему? – спрашиваю ее пересохшим горлом.

- Потому что раньше меня на поверхности трахали, а сейчас, по слухам, в “подземку” потащат.

Казалось, хуже быть уже не могло, но нет – казалось. «Подземка» – одно это слово заставляет всех без исключения мирных жителей Чикаго вздрогнуть и забыть все, что они о нем знают, как страшный сон. Это место сродни аду. Туда попадают не после смерти, но точно чтобы умереть. В довоенные времена подземка была обширной сетью подземных тоннелей, в которых люди свободно и безбоязненно перемещались на поездках по всему городу. После войны система метрополитена оказалась разрушенной, пришла в упадок. И там поселились изгои. Не все, нет – избранные. Самые авторитетные теневые деятели, опаснейшие преступники – те, в чьих руках весь нелегальный бизнес – наркотики, оружие, проституция. Как мерзкие кроты, они удобно устроились в тоннелях, не опасаясь, что их там найдут, ведь карты давно утеряны, а если и есть, то больше не действительны. Только они, самые отбросы общества, ориентируются в не единожды перестроенных лабиринтах. Попасть туда обычному человеку – смерть. Либо выследят и убьют, напав со спины, либо потеряешься и умрешь, замурованный глубоко под землей в темных мрачных подземельях.

Осознание факта, что мне все это предстоит, заставляет еще долго биться истерике, хотя, казалось, слез уже не осталось.

Ночью все те же двое грубых мужчин впихнули еще одну девушку. На удивление, это была Эрудитка! Синий пиджачок смят и испачкан, юбка порвана на бедре, а волосы, когда-то аккуратно убранные в косу, растрепались и торчат в разные стороны. Девушку занесли практически без сознания, просто кинули на грязный пол и ушли. Лежа посреди подвала, она весь остаток ночи металась, кого-то звала, силилась подняться, но сил не хватало. Лишь под утро окончательно пришла в себя, стала плакать, кричать и колотиться в дверь. Равнодушно наблюдая за ней, я видела себя. Точно так же, несколько часов назад, я отчаянно рвалась наружу, и точно так же – бесполезно. Никто из нас не сказал ей ни слова – даже в такой ситуации мы остались верны себе – ненавидели все, что связано с фракциями. Хотя, разве сейчас у нас, подневольных, приготовленных на продажу вещей, были отличия? Разве что в одежде, но уже совсем скоро Старшая молча, бесцеремонно, сняла с девушки пиджак и забрала в себе – ночью в подвале было прохладно. Находящаяся в шоке Эрудитка даже не сопротивлялась.

Лязг открываемой металлической двери, жалобный вопль и грубый мужской смех, заставляют резко проснуться и вскочить на ноги. Неужели, началось? Судя по тусклому свету, льющемся через зарешеченный вентиляционный проем, наступило следующее утро, а значит, я здесь уже почти сутки. Питьевая вода у нас есть, а вот обходится без еды хоть и привычно, но уже, по прошествии времени, голод ощущается все сильнее, а желудок начинает сводить болезненными спазмами. Причем, от всего разом – от голода, страха и ужаса неопределенности.

Вновь двое мужчин впихивают еще одну девушку – снова изгойка. Девушка в сознании, даже сама идет, но сопротивляется, поэтому ее, не церемонясь, толкают в спину, от чего она падает на пол. Быстро поднявшись, отряхивает испачканные колени и что-то зло цедит в закрытую дверь. Затем начинает оглядываться, сверкая глазами. Внимательным, цепким взглядом оценивает каждую подругу по несчастью, стены, дверь, вентиляционный проем. Нехороший такой взгляд – жесткий и хваткий.

Если поначалу я наблюдала за ней просто от скуки, то сейчас смотрю во все глаза по другой причине. Что-то во вновь прибывшей не так. Есть в ней что-то неправильное, но я никак не могу понять, что именно. Темные растрепанные волосы, как и покрывающие тело лохмотья, испачканы грязью и песком. Лицо тоже в грязных разводах, а на запястье левой руки – широкий плоский браслет из самого дешевого пластика. Вроде бы, обычный изгой, но инстинкт постоянно отмечает какую-то несуразность ее вида. Понять бы еще, какую именно. Мозг цепляется за любую мелочь, лишь бы не думать о страшном будущем.

Темноволосая, несколько раз попинав дверь и поняв бесплодность своих усилий, садится недалеко от меня, по-прежнему пристально разглядывая спящих девушек и трясущуюся Эрудитку, успевшую уже вырветь все слезы.

- Их постоянно двое? Этих, которые привели меня? Или есть еще? – громко спрашивает она, обращаясь ко всем сразу.

Сидящие сонные девушки лениво открыли глаза, но промолчали, а я ответила, лишь бы хоть чем-то забить оглушающую тишину.

- Да, только эти.

Девушка кивает, думая о чем-то своем. Да что в ней не так?!

Лишь когда нас по прошествии суток, наконец покормили, я догадалась. Один из наших мучителей, невысокий черноглазый мужчина со смуглой кожей и окладистой бородой, назвавшийся Зиядом, внес блюдо, на котором лежали куски вареного мяса и хлеб. Расслабленно махнув висящим на груди автоматом, мужчина рявкнул:

- Всем сидеть смирно, а то башки прострелю! Крысы помойные.

У темноволосой, неотрывно следящей за покачивающейся винтовкой, недобро сощурились глаза. От моего внимательного взгляда не укрылось и легкое осуждающее покачивание головой. Но мне было уже не до анализа ее поведения – куски требухи на блюде были достаточно неприглядного вида, но издавали сводящий с ума запах. Есть! Это все, чего я хотела сейчас.

Зияд, быстро поставив блюдо, вышел, и, как только за ним захлопнулась дверь, мы сорвались со своих мест, хватая руками изумительно пахнущую еду.

- А что это за мясо? – догадалась дрожащим голосом спросить сидящая в углу, не делающая попыток взять еду, Эрудитка.

Одна из изгоек засмеялась и, не переставая жадно вгрызаться в кусок, ответила:

- А как сама думаешь? Это вы там мраморной говядиной давитесь, а изгои кроме крыс и змей ничего не жрут. Присоединяйся!

Все засмеялись, прекрасно поняв, что это шутка – змей у нас не водится, а крыс не ест никто – слишком много они переносят разной заразы, чтобы даже с сильного голода рассматривать их в качестве пищи. Вот голуби – другое дело... Странная все-таки штука – человеческая природа. Даже здесь, в этом колодце отчаяния, изгои радуются, что хоть в чем-то смогли превзойти надменную Эрудитку, гордые, что контролируют ситуацию, чувствуют в ней себя, как рыба в воде.

Не дождавшись ответа от подавленной девушки, изгойка добавляет:

- Или слишком чистенькая и гордая? Ну тогдадохни с голоду.

И в этот момент меня осенило – я поняла, что не так в темноволосой. «Слишком гордая и чистенькая» – это про нее. Чистая кожа лица и тела, отсутствие какого-либо запаха, гладкие, привыкшие к хорошей обуви ступни ног, аккуратно подточенные ногти и растрепанные, но видно, что подстриженные и ухоженные волосы, ее манера держаться – все это не свойственно афракционерам. Я бы еще поверила, что ее выгнали из какой-либо фракции, но инициация была почти год назад, а за год она бы изменилась, это я знаю наверняка. И самое главное – лишь двое в нашей каморке не едят. Но если для брезгливой Эрудитки это еще объяснимо, то для изгоя – невысмысленно.

Поймав мой настороженно-недоуменный взгляд, темноволосая, будто спохватившись, тянется к нескольким оставшимся кускам, но все же, поморщившись, брезгливо одергивает руку.

Она не изгой. И все, что на ней надето, смотрится не правдивее маскарадного костюма. Интересно, я одна это заметила? Все же, пересилив себя, девушка берет и начинает вяло жевать кусочек хлеба. Кто же ты такая?

Снова лязг металлической двери и грубый мужской голос:

- Пожрали, суки? – на нас нацелено два автомата – в проеме двери стоят оба уже знакомых нам мужчин, но за их спинами виден силуэт еще одного человека.

- Встали! – командует вошедший в подвал Главный, и мы, переглянувшись, медленно поднимаемся с пола.

- Раздевайтесь! – голос Главного, такого же чернявого человека, как и Зияд, звучит издевательски.

Мы стоим, опустив глаза и сложив руки на груди. Нереальность происходящего оглушает, заставляя думать, что все это лишь дурной сон. Слышится щелчок затвора, затем в стену напротив ударяет пуля, выбивая фонтанчик штукатурки. Старшая изгойка подает пример – начинает, тихо матерясь, сдергивать с себя лохмотья. Все, стараясь подавить рыдания, несмело следуют ее примеру, и вот мы уже стоим в одном белье под отвратными липкими взглядами двух бородачей. Из-за их спин выходит суетливый невысокий человек, стыдливо отводящий глаза. Как мы потом узнали – доктор.

- Внешний осмотр, потом заключение, – отрывисто кидает ему Главный, не отводя от нас дула автомата.

Более униженной я себя еще не чувствовала, с ужасом понимая, что это лишь начало. Доктор осмотрел нас на предмет вшей, каждый участок тела на наличие кожных болезней, даже в рот заглядывал, пересчитывая зубы. Жительницы трущоб отнеслись к осмотру практически равнодушно, чего не скажешь об Эрудитке, с которой случилась истерика, и резко побледневшей и явственно испугавшейся темноволосой обманщице. Я же, стараясь прикрыться руками, просто стояла и плакала, трясясь от стыда и брезгливости, ощущая скользящие по телу похотливые взгляды.

Наконец, доктор закончил осмотр, что-то быстро сказал охранникам и вышел. Дана команда одеться, и я тянусь к своим вещам, но в этот момент тяжелая рука хватается меня за волосы.

- А ты подожди. Давно у меня не было таких маленьких, - держащий меня Зияд чуть ли не облизывается, жадно рассматривая мое тело.

- Нет, нет...,- начинаю кричать я и лихорадочно бьюсь в его руках, но мужчина уже тащит в угол.

- Руки убрал от нее! - вдруг как гром среди ясного неба раздается голос Старшего, имени которого мы так и не узнали, - не порть мне товар, ублюдок! Вон ту можешь взять, она дешевка. В воспитательных целях.

Зияд, зло выдохнув, швыряет меня на пол, затем, в два шага, подойдя к Старшей изгойке, хватает ее и, несмотря на сопротивление, тащит в угол. Громкий мат девушки стихает после пары ударов по лицу, а дальше из угла слышны только возня, ее всхлипы и довольное рычание мужчины. Сидя на полу, изо всех сил затыкаю уши руками, чтобы не слышать этой мерзости, но сильный удар прикладом по ладоням заставляет опустить их.

- Только посмей еще раз уши закрыть! Смотреть!!! - орет Старший, и, ухмыльнувшись, добавляет, - и учиться.

*

За мужчинами уже давно захлопнулась дверь, плач Старшей стих, а я все сижу в углу, не в силах унять бьющую все тело дрожь. Всерьез раздумываю - может, и правда, лучшим решением будет нарваться на автоматную очередь, чем ждать, когда это произойдет со мной? Я не вынесу, я не смогу....

Теплая рука обхватывает ладонь - я и не заметила, как темноволосая села рядом.

- Как тебя зовут? - в голосе девушки столько теплоты и участия, что желание довериться ей появляется само собой.

- Эмбер.

- А я - Карми. Все будет хорошо, Эмбер, я тебе обещаю.

Поднимаю взгляд и молча смотрю в зеленые глаза девушки.

- Кто ты? Ты не изгой, - от моего обвиняющего шепота девушка вздрагивает и удивленно поднимает брови. Потом, видимо решив, что отпираться бесполезно, шепчет:

- Ты права. Я - Бесстрашная. И поверь мне, я вытащу тебя.

Резко выдергиваю руку и пытаюсь отодвинуться, но некуда.

- А что, - горько спрашиваю ее, - вам есть какое-то дело до нас, изгоев?!

Грустно улыбнувшись и кинув настороженный взгляд на сидящих в другом конце подвала девушек, она шепчет:

- Бесстрашие гарантирует защиту внутри периметра всем без исключения.

===== Карми. Гнев =====

За сутки до событий прошлой главы.

Портняжная работа мне, бывшей Дружелюбной, привычна – руки делают все сами, пока голова занята совсем не радостными мыслями. Распороть подгиб ткани, идущий по низу подола, затем, аккуратно подцепив пинцетом тончайшую, не больше спичечной головки, пластину передатчика, вложить в сгиб, затем аккуратно заметать обратно. Ювелирная работа по превращению всего, что на мне будет надето, в один большой ретранслятор, требует лишь времени, да самых простых навыков, но доверять ее кому-либо я не намерена. Лучше сама вошью микрочипы в одежду и белье, и буду уверена в них на сто процентов. Конечно, мне обязательно будут вживлены в шею стандартные датчики слежения, но, если вдруг окажусь в лабиринтах заброшенного метрополитена, сквозь толщу земли мое местоположение скорее всего будет неопределимо. А вот старые добрые пластины, вшитые в одежду в огромном количестве, дадут нужный устойчивый сигнал даже на огромной глубине. По крайней мере, Эрудиты, испытывавшие их в лабораторных условиях, клялись всеми святыми, в которых уже больше двухсот лет никто не верит, что так и будет.

Резко распахнувшаяся дверь квартиры, которую я делю с Грозой Всея Фракции, с личным пейзажем страха каждого неопита, с самым молодым, но суровым и беспощадным Лидером Бесстрашия, а, по совместительству, моим любимым мужем, впускает врывающийся в комнату сквозняк. Холодный воздух проносится по комнате, заставляя меня, удобно устроившуюся на полу с иголкой в руках и подшиваемым платьем на коленях, вздрогнуть и зябко повести плечами.

Не глядя на меня, молча, Эрик твердыми шагами проходит на кухню, где сразу хлопает дверцей мини-бара – слышен звук наливаемой в бокал жидкости. Похоже, он уже знает. Под ложечкой засосало в ожидании неприятного разговора.

Голос вновь появившегося Лидера спокойный, даже слишком.

- Почему я узнаю об этом последним? – в противовес его видимому спокойствию, на пол рядом со мной летят несколько в бешенстве скомканных листов бумаги.

Молча втыкаю иглу в грубое домотканое полотно наряда, в срочном порядке привезенное из Отречения. Именно такой одеждой Убогие снабжают изгоев, и целью моего задания как раз и будет перевоплощение из разведчика в афракционера. Агент, но без какого-либо серьезного прикрытия, который должен будет привести Бесстрашных к самому центру грязного рассадника торговцев живым товаром. И во всей этой блестящей операции мне отведена самая незавидная роль – роль «подсадной утки». Но исполнить соло в этой игре – мое личное решение.

Под испепеляющим, дышащим неподдельным гневом, взглядом Эрика, поднимаю разбросанные листы и, аккуратно расправив, читаю. Так я и думала – это подробно расписанный план под названием «Трофей»: сценарий, по которому я буду играть роль ничего не подозревающей молодой изгойки, которую старательно продают в сексуальное рабство. Все это совсем недавно было обсуждено на совещании у Макса, а теперь вот лежало передо мной в напечатанном виде. Пожимаю плечами и спокойно отвечаю.

- Тебя ведь двое суток не было, а ситуация пиковая. Совсем недавно пропала очередная девчонка, на этот раз Эрудитка – вся разведка и так была в полной боеготовности. А уж когда нам на блюдечке преподнесли информацию об одном из наводчиков, продавших изгойку – грех было бы не воспользоваться такой возможностью внедриться в их гадюшник. Только времени было мало ждать твоего высочайшего соизволения.

Это правда - пока Эрик последние двое суток был на очередном выезде, случилось минимум два похищения молодых девушек. Первое - Эрудитки, поссорившейся с родителями и решившей убежать из дома, но, на свою голову, выбравшей неверное направление - напрямик на границу с кварталом изгоев, где ее, судя по всему, и похитили. Джанин Мэттьюс лично на повышенных тонах общалась с Максом, требуя немедленно кинуть все имеющиеся силы на поиск девчонки, но мы знали, что это еще ни разу не дало результатов. Изгой слишком хорошо умели скрываться в хаосе разрушенных зданий на земле и в ими же перестроенных лабиринтах бывшего метро под землей. Можно было бы спуститься в эти заброшенные подземелья и атаковать изгоев несколькими отрядами, но при войне на их территории, а уж особенно глубоко под землей, потери личного состава были бы чрезвычайно велики. Несоизмеримо велики по сравнению с возможностью спасти нескольких человек. Ни один командир не отдаст своим бойцам приказа идти на штурм темных тоннелей, достоверного плана которых не существует в помине.

А потом пропала совсем молоденькая изгойская девушка. Мы бы, возможно, никогда об этом не узнали бы - мирные жители трущоб не жалуют представителей любых фракций, а уж Бесстрашных и подавно. Но ее соседи, к слову, бывшие жители фракций, видели, как она общалась с человеком с соседней улицы, после чего и пропала. Как бы не относились бывшие Бесстрашные к выгнавшей их фракции, но, здраво рассудив, что помочь ей может только фракция воинов с их силой и техническими возможностями, переселили свою ненависть и обратились за помощью.

Найти этого жалкого человека, за несколько мелких монет отдавшую девчонку в руки убийц и насильников, не составило труда. Когда допрашивает Марс, командир отряда внешней разведки, соврать трудно. А дальше все завертелось со скоростью света. Под угрозой немедленной расправы этому ублюдку было приказано связаться с агентом, сказав, что у него есть новый товар на продажу, который он обязуется привести на рассвете следующего дня. Этим товаром и должна была стать я, и времени на подготовку оставались считанные часы.

Во время своей речи неотрывно смотрю прямо в быстро темнеющие, недобро сощурившиеся глаза.

- Это я и без тебя знаю, - шипит он мне в лицо, - А ты-то куда собралась, соплячка?

Тяжело вздыхаю - это так предсказуемо и ожидаемо. За год своего замужества, к которому Эрик принудил практически хитростью, я успела отлично узнать этого сложного, противоречивого человека. Его есть за что любить, ведь когда хочет, он умеет быть и самоотверженным, и заботливым, и относительно нежным, но сейчас за него говорит страх, затмевающий доводы разума стратега и военачальника. Страх в очередной раз потерять меня.

Встаю с пола и складываю листы на стол аккуратной стопкой. Обернувшись к нему, мягко прошу:

- Эрик, посмотри на меня. Я похожа на Бесстрашную?

Не ожидавший такой реакции мужчина удивленно приподнимает бровь. Глаза же остаются такими же колюче-холодными, а голос из злого переходит в саркастично-насмешливый.

- Ты похожа на идиотку, возомнившую себя крутым агентом.

- Посмотри на меня, - настойчиво повторяю ему, тщательно убирая из голоса ноты раздражения, - я не похожа на Бесстрашную. У меня натуральный цвет волос, нет безумной

прически, нет пирсинга или следов от него. Даже татуировка, - я демонстрирую тончайшую надпись латиницей, браслетом обвивающую запястье левой руки, - и та одна. И ее легко скрыть под браслетом. Но я, будучи во внешней разведке, обладаю достаточными знаниями и навыками, чтобы справиться. Ты не можешь не согласиться - я одна из лучших кандидатур на эту роль.

- На изгоя хочешь быть похожа? - сарказм в голосе Лидера напрягает.

В два шага подскочив ко мне, мужчина хватая распущенные волосы и, не сильно потянув, наматывает на кулак. Уткнувшись губами мне в ухо, обжигает кожу горячим дыханием.

- Где же тогда вши? Где гнилые зубы, гнойники по всему телу, запах говна и радость на лице от пожирания помоев? - тряхнув меня, почти кричит, - где все это?!

- Да ты же знаешь, что они не все такие! - отчаянно выкрикиваю я в перекошенное от злости лицо.

Разозлившись от его грубости и бесцеремонности, пытаюсь вырваться, отпихнуть рассерженного Лидера от себя, но Эрик вдруг отпускает, а затем резко отводит назад руку с сжатым кулаком, намереваясь ударить по лицу. Я успеваю только удивиться тому, что он вдруг собрался нарушить данное обещание больше никогда не причинять боли. Но о чем бы не думала голова, тело действует само - доведенным до автоматизма движением вскидываю руку, пытаюсь заблокировать удар.

Эрик, и не думавший, оказывается, бить, расслабляет кулак и издевательски усмехается.

- Изгой, умеющий профессионально ставить блоки? Херова из тебя актриса - прострелят башку в первый же день.

Он в сердцах пинает лежащее на полу темно-серое платье, а я удивленно смотрю на свои ладони - а ведь чертов Лидер прав на все сто. Я могу выглядеть и вести себя как изгой, но отработанные за многие месяцы тренировок рефлексy никуда не убрать. О них останется только помнить и стараться контролировать.

Тяжело вздохнув, подхожу к отвернувшемуся от меня мужчине и, обняв за талию, прижимаюсь лбом к напряженной спине, вдыхая исходящий от него знакомый запах отличного табака и еле уловимые ноты парфюма. Ладонями разглаживаю мягкую ткань футболки - провожу вниз от широкой груди к стальному прессу живота, ощущая, как напрягаются мышцы от моих прикосновений.

- Так помоги мне, Эрик. Покажи как надо.

При звуках моего тихого голоса, приглушенного полотном его черной куртки, спина заметно расслабляется. Хороший знак. Эрик, не оборачиваясь, рычит, но уже заметно спокойнее.

- На кой хер тебе это надо? Сколько уже можно всем доказывать, что ты делаешь карьеру не ртом у меня в постели? Всем пофиг, пойми ты, наконец!!! Уже давно, мать его, похер, а ты все равно упорно суешь свою башку под каждую пулю!

Вырвавшись из кольца обвивших его рук, Эрик в сердцах ладонью сбивает обратно на пол стопку листов со стола. Прошелестев, те рассыпаются по темному полу нашей гостиной, а я как замороженная слезу за их плавным полетом, ошарашенная мыслью - неужели я и правда доказываю всей фракции свой профессионализм и профпригодность, старательно влезая в

самые горячие точки, коих в нашей работе не счесть. Как мне всегда казалось, моей мотивацией было лишь желание стать лучше, сильнее, бесстрашнее...

- Я никому ничего не доказываю, а просто делаю свою работу, – твердо говорю ему. Но слова мужчины уже посеяли зерна сомнения в душе – а вдруг он прав?

- Тогда ты собралась в бордель за острыми ощущениями? Слишком спокойным последний год показался?! – следующую фразу Эрик говорит опасно-приглушенным тоном, – зачем куда-то идти, если можно все получить прямо сейчас, на месте?!

Схватив за запястье, он с силой толкает меня на кровать, затем, навалившись сверху, дергает полы куртки. Разрываемая молния отчаянно взвизгивает, а металлический бегунок, не сумевший устоять против физической силы, соскакивает и с жалобным звоном падает на пол.

- Хочешь, чтобы тебя раздевала толпа мужиков?

Упрямо сжав зубы, пытаюсь убрать от себя его бесцеремонные руки, но Эрик легко отмахивается от меня. Следующая жертва – брюки, ухватившись за пояс которых, Лидер резко дергает, от чего пуговица соскакивает и тоже падает на пол.

- Хочешь, чтобы тебя имел каждый, у кого нашлась пара мелких монет?

Один рывок – и брюки вместе с трусиками скользят по ногам, а затем оказываются брошенными на пол. Огромные ладони скользят по бедрам, пальцы впиваются в кожу. С силой раздвинув ноги, Эрик наваливается сверху, выдыхая мне в лицо:

- Хочешь стонать под тридцатью ублюдками в день?!

Властно, по-хозяйски, уверенный в своем праве использовать мое тело так, как ему хочется, мужчина задирает майку и сжимает грудь. Руки скользят повсюду, исследуя каждый сантиметр кожи. Скользят именно так, как я люблю и там, где надо. Он очень, даже слишком хорошо изучил меня, и знает, как заставить стонать от одних только прикосновений.

- Сучка, – на выдохе шепчет он, не переставая впиваться горячими губами в кожу на шее, – завтра же в канцелярию переведу. Коробку скрепок тебе вместо автомата.

Извиваюсь всем телом в тисках горячих бесцеремонных рук, скользящих по всему телу, и хрипло огрызаюсь:

- Скрепки? В умелых руках – грозное оружие.

- Забудешь у меня о любом оружии...

Обхватываю Эрика за шею и закрываю рот поцелуем. Все уже решено, милый. С удовольствием отвечаю на умелый поцелуй мужчины, а руками скольжу по мощной шее, по бритому затылку, наслаждаясь мягкостью колющих пальцы чуть отросших волос.

Нехотя оторвавшись, шепчу на ухо:

- Не надо двойных стандартов. Если бы я не была твоей, ты бы первый выдвинул мою кандидатуру. Внешне во мне нельзя заподозрить Бесстрашную, а значит, наш план реален – они поведутся и приведут прямиком в свое логово.

- Даже не обсуждается! – хрипит мужчина, скидывая с себя одежду, – можешь себе уже стул

удобный присматривать. И будешь сидеть на нем на жопе ровно до конца жизни!

Зарывав от бессилия, легонько прихватываю зубами татуированную кожу шеи, а затем изо всех сил отталкиваю от себя на миг растерявшегося мужчину. Тут же, с кошачьей яростью запрыгиваю на него сверху и изо-всех сил удерживаю в лежащем положении под собой.

- Да послушай же!!! Ты ведь сам меня учил всему, я смогу!!! Там девчонки, обычные девчонки, которых надо срочно спасать!!! А других кандидатур у тебя нет! Просто нет!!! Изгой не поведутся на девку с татуировкой или хаером на голове!! Не поведутся на любую, кто хоть сколько-нибудь похож на Бесстрашную, и мы упустим драгоценнейший шанс!

Надолго моих сил удерживать его, конечно, не хватает – один поворот мощного корпуса, и вот уже я лежу, задыхаясь под вновь навалившейся на меня тяжестью.

- Без тебя справимся, понятно?! – грозный рык Лидера звучит как приговор.

От обиды мне хочется ударить его как можно сильнее, но остается лишь царапать каждый оказавшийся под руками участок кожи. Возбужденный мужчина не обращает никакого внимания на мое шипение, а начинает входить, медленно, но верно заполняя меня всю. От отчаяния я отдаюсь ему со всей страстью и пылом, наши фрикции больше напоминают ожесточенную борьбу, нисколько не похожую на то, что нежно называют “заниматься любовью”. Каждый его толчок, грубоватый, резкий, глубокий, так и кричит “Моя, моя”, его инстинкт оголтелого собственника заставляет его сжимать меня в объятиях, душить тяжестью своего совершенного тела, а меня – покориться, уступить, сдаться на милость победителя...

*

Раннее утро будит меня первыми несмелыми лучами солнца. Аккуратно высвобождаю конечности от навалившегося на них Лидера, тихонько подбираю изгойский наряд и бегу к выходу. Сейчас к Доку, вколоть датчик в шею, а потом на задание.

Прости, милый, но это моя работа. Я больше не Дружелюбная, меня не надо беречь от любой опасности. Я – солдат, самостоятельная боевая единица, сознательно выбравшая эту фракцию вообще и участие в данной операции в частности. У меня тоже есть свое мнение, амбиции и право выбора. Я справлюсь, только приди вместе с остальным отрядом вовремя в соответствии с планом. Я в тебя верю.

Комментарий к Карми. Гнев Картиночка)

http://41.media.tumblr.com/2f09e3635c8801a9511cc62d490953c9/tumblr_muz9qk64aD1sjp8wfo1_500.jpg

===== Карми. Задание =====

.

— Эрик, говоришь, был даже рад твоему участию в этой операции? — в голосе командира разведчиков Марса, цепляющего мне в волосы еле заметную бусину микрофона, звучат откровенные сарказм и недоверие.

— Конечно рад, — вздыхаю я. По возвращении домой Эрик меня убьет, но, по сравнению с тем,

что мне сегодня предстоит, гнев властного мужа кажется не таким уж и страшным, ведь, если у меня получится спасти нескольких обреченных девчонок, это уже не будет иметь значения. А если не вернусь вообще — тем более...

Ранним утром безликие улицы Отречения уже полны народа. Как истинные аскеты, Убогие не позволяют себе подолгу нежиться в теплых постелях, а с первыми лучами солнца выходят на свою изнурительную неблагодарную работу — уборка улиц, помощь изгоям. Не знаю точно, чем они еще занимаются, но их жизни точно не позавидуешь. Хотя, можно подумать, сейчас кто-то может позавидовать мне...

— Прием! — гаркает мне на ухо Марс, отвлекая от рассуждений о фракционных особенностях. Оглянувшись на связиста, фиксирующегося сигнал от моей бусины, довольным тоном констатирует исправность работы мини-рации. — Мы будем слышать все, что ты говоришь, а также звуки в радиусе примерно десяти метров, но отвечать нам ты не сможешь. Связь односторонняя, но мы рядом. Помни это.

Киваю, с благодарностью глядя в светящиеся теплотой темно-карие глаза своего командира. Наверное, это единственный человек, кто верит в меня безоговорочно, на все сто. И не удивительно, ведь именно с ним мы бок о бок весь прошедший год выполняли задания, каждый день уходя в патрули.

Критически оглядев меня с ног до головы, Марс недовольно хмурится.

— Вид у тебя какой-то... — помолчав и еще раз пройдясь взглядом от макушки до пят, начинает радостно улыбаться. Не к добру это, успеваю подумать я.

— Последний штрих для маскировки, — его зазорной ухмылке позавидовал бы даже любящий поизмываться над новичками Эрик.

Делаю шаг назад, пытаюсь увернуться, но Марс, дотянувшись, резко заламывает руку и кидает меня на грязный пол. Правда, придержал за кисть, от чего приземление было не очень болезненным, но все-таки успешным — теперь новенькая, с иголки одежда изгойки оказывается испачкана пылью и грязью, нанесенной сюда берцами с сырых улиц. Он, конечно, чертов гений, тут не поспоришь, но возмущению нет предела.

— Ну и методы у вас, товарищ командир! Весь наряд испортил! — закатываю я глаза.

— Наоборот, — смеется он, — придал ему изгойского блеска!

Посмотрев на свои испачканные ладони, вытираю их о безнадежно испорченный подол, придавая дополнительного сходства с одеждой среднестатистического изгоя, вынужденного экономить драгоценную воду, а не тратить ее на стирку.

Смеясь, хватаюсь за протянутую ладонь и встаю, от сильного рывка чуть ли не падая на своего командира, и в этот момент резко распахнувшаяся дверь впускает в и без того прохладное помещение сквозняк. Замерев с улыбкой в объятиях Марса, со все еще сцепленными руками, мы представляем из себя весьма двусмысленную картину для Эрика, твердыми шагами входящего в помещение. Пристальный взгляд стальных глаз буквально пригвождает к месту, а их обманчиво-ледяное спокойствие заставляет суетливо отступить на шаг и начать нервно разглаживать несуществующие складки на платье. Марс, не в пример мне, широко улыбнулся Эрику, ничуть не смутившись от мрачного вида Лидера. Упрямо поднимаю глаза, и, вызывающе вздернув подбородок, смотрю на своего высокопоставленного мужа. Молчаливая дуэль взглядами продолжается несколько секунд, во время которых комната со столпившимися

бойцами будто замерла, звуки затихли, заглушенные ударами моего сердца. Здесь, сейчас, существуем только я, отчаянно храбрившаяся и пытающаяся казаться решительной, и ОН, чье леденящее душу спокойствие пугает сильнее открытого гнева. На удивление, Эрик первым отводит взгляд и, зло выдохнув и оглядев замерших Бесстрашных, рывкает:

— Доложить о готовности!

Комната ожила, а я будто бы наяву услышала вздох облегчения, хором пронесшийся по комнате. Отчитывающийся о готовности всех систем и подразделений отряд создал в комнатухе равномерный приглушенный гул.

— Рад, говоришь, был? — тихий голос Марса полон едкого сарказма.

— Просто в восторге, — киваю я, стараясь скрыть торжествующую улыбку. Он поверил в меня. И не стал при всех принижать, создавая репутацию куклы, способной лишь украшать его постель. Может ведь, когда хочет.

— Ну да, ну да, — задумчиво кивает Марс, отвлекаясь на слабый стук в дверь.

Толпа Бесстрашных как один замолчали и обернулись, пока один из бойцов пошел открывать, держа наготове пистолет. Вместе с вошедшим в помещение мужчиной в комнату ворвался, заставляя брезгливо поморщиться, запах давно не мытого тела и давнего перегара. Полный, неряшливый, с отечным, рано состарившимся лицом — это и был наш информатор. Тот самый урод, который за мизерное вознаграждение продал свою соседку-изгойку. Найти его, как и допросить, не составило труда — его пропитых мозгов не хватило даже на то, чтобы временно затаиться и не высовываться, что, конечно же, было нам только на руку.

Заплывшие покрасневшие глаза изгоя суетливо скользили по черной военной форме, пока не наткнулись на привычно грязно-серый цвет моей одежды. Встретившись с ним лицом к лицу, вздрагиваю от отвращения. Скотина. Мерзкая, опустившаяся скотина. Своими руками убила бы. Видимо, на моем лице отразилось столько яростного презрения, что изгой тут же предпочел перевести взгляд на Бесстрашных. Но и там, мягко говоря, не вызвал сочувствия, поэтому просто уткнулся в пол.

— Я... я, — подонок заикается от страха, опасливо оглядывая играющих с оружием мужчин, каждый из которых с огромным удовольствием прострелил бы ему башку, — я все сделал, как вы велели. Сказал, что приведу девку к заводу. Ну, тому, заброшенному...

— Мы же договаривались насчет здания бывшего госпиталя, — зашипел ему в лицо подскочивший Марс, — какого хрена тут завод вылез?

Отшатнувшийся от него изгой мелко затряс головой, не отводя испуганного взгляда от сжавшихся кулаков командира.

— Это невозможно! Там много патрулей ходит, они не станут рисковать! Завод — самое то. Поверьте мне!

— Поверить тебе?! — голос Марса срывается от злости, — тебе, убудку?! Да ты...

— Отставить, — только приказ Эрика спас изгоя от перелома челюсти. Марса тоже можно было понять — тщательно выстроенный план теперь придется наскоро перекраивать. Подойдя вплотную к трясущемуся афракционеру, Эрик оглядел его тяжелым взглядом, от чего тот,

казалось, стал еще меньше ростом, и спокойно констатировал:

— Если хоть что-то пойдет не так — я лично обещаю тебе очень долгую смерть.

Не могу больше смотреть на это жалкое подобие человека, поэтому выхожу на улицу, глубоко дыша свежим утренним воздухом.

— Облажаешься — и тебя пристрелю.

Вышедший почти сразу за мной Эрик, как всегда, немногословен. Складываю руки на груди и, не глядя на него, киваю, думаю о том, что, если облажаюсь, то, скорее всего, и стрелять-то будет некого.

Сильные руки обхватывают меня за плечи и прижимают к себе, своим спасительным теплом унимая нервную дрожь и озноб от сырого утра. Спиной ощущаю жар, исходящий от этого потрясающего мужчины, сходящего с ума от мысли о моем задании. Эрик резко выдыхает мне в волосы, от чего на макушке взвивается несколько локонов. Развернув, прижимает спиной к оштукатуренной белой стене, пачкая и без того уже не особо чистое платье. Взяв за подбородок, приподнимает голову и, накрыв губы своими губами, настойчиво целует, пытаюсь проникнуть языком как можно глубже. В первый момент не отвечаю ему, поморщившись от пришедшей в голову неожиданной мысли — целует, как в последний раз. Но, быстро взяв себя в руки, обнимаю за шею и отдаюсь его властным, приказным поцелуям, каждый из которых, грубоватый, напористый, нетерпеливый, больше похож на наказание за непослушание.

— Я справлюсь, — упрямо повторяю ему, когда мужчина нехотя оторвался от моих губ, не отрывая потемневшего взгляда от моего лица.

— В канцелярии у меня торчать будешь, вечно! — шипит Эрик, еще сильнее сдавливая в удушающих своей заботой объятиях.

— Не буду, — отвечаю ему, заглядывая в полные нежности и тревоги глаза, — ты ведь поверил в меня.

— Мне не оставили выбора — ни ты, ни Макс. Но за саботаж будешь до хрипоты в горле на коленях стоять, — грубые слова, произнесенные его низким, вкрадчивым голосом вкупе с ласкающим взглядом помимо воли вызывают томный прилив в низу живота.

Эрик, будто прочитав мои мысли, хмыкает и отворачивается, привлеченный шумом выходящих из домика бойцов. Связисты, техники, штурмовой спецназ, командиры подразделений и несколько человек, одетых под изгоев — целый отряд прикрытия, готовый сколько нужно ждать своего часа, чтобы потом, сорвавшись с места, за секунды смести противника с лица земли. Моё спасение, моя единственная надежда в случае непредвиденной ситуации.

Голос Эрика тихий, но именно после всего одного слова весь сложный людской механизм приходит в движение.

— Начали!

И, кивая на дом с оставшейся в нем изгойской крысой, брезгливо кидает одному из спецназовцев:

— Как только Карми встретится с агентом — ублюдку пулю в лоб. Он больше не будет нужен.

— А как же суд Искренности? Самый гуманный суд в мире? — усмехается тот.

Эрик, кивком головы оценив шутку, протягивает:

— Спешим на попытку сопротивления. В любом случае — в расход.

*

Старые разношенные башмаки, непонятно откуда принесенные и с чьей ноги снятые, уже давно натерли не привыкшие к такой отвратительной обуви ноги, а я все иду и иду по притихшему грязному району изгоев. По району бедноты, отчаяния, нечеловеческой усталости, безнадеги и уныния. Улицы сменяют друг друга, но создается ощущение, что я просто хожу по кругу, ведь за каждым новым поворотом меня ждут все те же полуразрушенные строения, груды мусора и помоев, разношерстные бараки, построенные из всех возможных материалов, и общая гнетущая атмосфера полнейшей безнадежности.

Я уже не раз бывала в этих районах, ведь первые месяцы после инициации любимое развлечение командиров – натаскивать пугливых новичков именно в этой части города. Но одно дело, когда идешь в боевом построении, имея при себе оружие и ощущая поддержку своих товарищей и командиров, и совсем другое – идти в полном одиночестве, безоружной, в нелепом грязном платье и растоптанных ботинках. Больше всего сейчас хочется пригнуться и рассмотреть местность в оптический прицел, но приходится принимать максимально беспечный вид и идти вперед, подавляя в себе все рефлексy, вбитые на подкорку мозга месяцами тренировок. А это, знаете ли, непростая задача – лениво плестись нога за ногу, каждую секунду ожидая удара по голове сзади.

Очередной поворот, и вот я выхожу к тому самому заброшенному заводу, обозначенному в нашем плане местом “Икс”. Через огромные проломы в кирпичном заборе, окружающим некогда внушительное пятиэтажное здание основного корпуса, видна стоянка, разбитый асфальт которой все еще местами испещрен полустертыми полосами, обозначающими места для автомобилей. Где-то там должны быть ящики с просроченными консервами, за которыми и прибежала на этот оглушающий тишиной пустырь молодая глупая изгойка. Наметив себе дыру в стене, через которую можно пролезть без опасности для жизни, успеваю сделать пару шагов, как краем глаза вижу метнувшуюся в мою сторону тень. Рывок, и вот рот мне уже закрывает грязная тряпка с отвратительно приторным запахом. По инерции делаю судорожный вздох, но, мгновенно почувствовав дурманящее действие какого-то едкого вещества, стараюсь задержать дыхание. Секунда, две, три, и я, в полном соответствии с ожиданиями неизвестного, аккуратно оседаю на землю.

Грязный пол грохочущей машины, неровная извилистая дорога, нестерпимый запах бензина и ничего не значащие обрывки фраз в салоне – дорога до мрачного подвала запомнилась только этим. А еще болью в связанных грубой веревкой запястьях. Полностью расписанное на бумаге задание казалось не простым, нет, но выполнимым, не страшнее и не опаснее всего, что я делала ранее. Но, как оказалось – только казалось. Ближайшие сутки показали мне все самые мерзкие и грязные стороны изгойских трущоб. Боль, насилие, страдание, смерть в самом что ни на есть концентрированном виде.

Как сказал когда-то Эрик: “Добро пожаловать в реальный мир, Дружелюбная. Он, конечно, дерьмовый, но ты втянешься”

==== Карми. Встреча. =====

— Бесстрашие гарантирует защиту внутри периметра всем без исключения.

Совсем молодая, испуганная девушка-изгой, назвавшаяся Эмбер, при этих словах усмехнулась, недоверчиво покачала головой и, что-то зло прошептав, отвернулась. Девушку можно понять — к Бесстрашным повсеместно относятся как к неизбежному злу, а уж изгоям нас любить и вовсе не за что. Но сердце колет острыми иглами жалости — совсем молодая, почти ребенок, и как ее только угораздило попасть сюда! Длинные распущенные волосы, упрямо вздернутый носик, по-детски припухлые щечки... Но ее глаза — глаза взрослого человека, пережившего лишения и страдания, узнавшего жизнь с самого ее неприглядного края. Ни в одной фракции у детей нет такого взгляда — полного страдания и скорби, но одновременно и жесткого, волевого, готового встречать все новые и новые трудности и ни на минуту не верящего, что лишениям когда-нибудь придет конец.

Отчаянный стон, раздавшийся в противоположном конце каморки заставляет вздрогнуть и меня — еще одна проснувшаяся девчонка в грязной рубашке вновь осознала, что все это — не сон, что суровая реальность не изменилась — она снова здесь, ждет своей участи. Бледное личико, спутанные волосы и затравленный взгляд — лишь местами порванная синяя юбка выдавала в ней Эрудитку. Похоже, ту самую, после пропажи которой Джанин поставила на уши все Бесстрашие. Кто она такая, интересно? Думаю, дочь какого-нибудь важного Умника.

В Дружелюбии я не интересовалась изгоями вообще, а, перейдя в Бесстрашие, рассматривала их всего лишь как общую массу, имеющую потенциальную угрозу безопасности. Но сейчас, находясь среди них, у меня было время получше узнать тех, кто оказался вне системы, за бортом фракций.

Вошедший в наш подвал мужчина — один из наших охранников, назвавшийся Зиядом, отвратительно ухмыляясь и масляным взглядом темных глаз рассматривая испуганных девушек, швырнул на пол миску с какими-то невнятными кусками, пахнувшими вареным мясом. Девушки как по команде, ничуть не смущаясь, потянулись к еде. Как бы меня не мучило от неприятного запаха и отвратительного вида предложенного угощения, мысли были о другом — я не могла не удивиться беспечности охранника, граничащей со слабоумием. Видели бы вы, как он фривольно, по-идиотски легкомысленно обращался с висящим на груди автоматом! Наблюдаю за ним и невольно качаю головой, поражаясь такой тупости — завладеть его оружием смог бы сейчас даже зеленый неопит. Прямой удар в челюсть или наотмашь, подсечка, затем тыльной стороной ладони по шее, одновременно сдергивая ремень винтовки — и все, делай с этим идиотом что хочешь. И больше всего на свете мне хотелось применить свой план в действии, но приходилось сжать зубы и опустить глаза, чтобы раньше времени не выдать себя. Мое задание — не эти мелкие сошки, а организаторы. А вот девушки сломались. Один недалекий человек с автоматом, который он и держать-то толком не умеет, и шестеро девчонок, которые, скооперировавшись, могли бы относительно легко вырубить его. После Бесстрашия я не разделяю людей по половому признаку, ведь успела убедиться, что девушки порой бывают сильнее и решительнее некоторых мужчин. Но сейчас, в этом темном подвале, дело не в отсутствии физической силы.

Изгойки, всю свою жизнь учившиеся выживать в самых суровых условиях, сейчас морально сломались. Им, как и Эрудитке, и в голову не придет сопротивляться, и охранники это прекрасно знают. Бойцом тут можно было бы назвать одну лишь Старшую девушку, но и она после жестокого изнасилования совсем пала духом и, похоже, окончательно смирилась.

Хм... А ведь через бусину-передатчик, умело закрепленный у меня в волосах, Эрик и команда слышали всё, что происходит с нами, в том числе и звуки насилия, и грубый приказ раздеться для врачебного осмотра, с последующими похабными репликами мужчин. Ох и прилетит мне от мужа, даже представить страшно, о чем он тогда думал. Нет, нельзя вспоминать об Эрике, надо сейчас максимально сосредоточиться на происходящем, тем более, что почти по прошествии суток, как я здесь нахожусь, дверь начинает снова открываться, заставляя кровь пульсировать от резкого выброса адреналина. Кажется, началось.

В комнату быстро заходят трое мужчин — два наших знакомых, Зияд и Главный, и еще один. Все собранные, решительные, с автоматами наперевес. Главный, оглядев нас, замерших у стен, недовольным взглядом, громко приказывает:

— Встать на колени, руки за спину! Да пошевеливайтесь же, твари!!!

Увидев наши испуганные, недоуменные переглядывания, шипит очередные ругательства и, схватив за шиворот находящуюся ближе всех Эрудитку, кидает ее на пол. Девушка вскрикивает и начинает реветь, но подскочивший Зияд тут же бьет по голове, шипя, чтобы заткнулась, и сцепляет ей запястья пластмассовым жгутом.

Под направленными на нас дулами автоматов, подгоняемые матами и злыми тычками, молча складываем руки за спиной. Неизвестность, ждущая нас впереди, пугает, и вновь в подвале становятся слышны невольно вырывающиеся рыдания. Как могу, держу себя в руках, силой воли сдерживая подступающую панику, но в один момент паника сменяется сильнейшей злостью. Эмбер, стоящая от меня в двух шагах, вдруг жалобно закричала — Зияд, схватив ее за запястье, с силой выворачивает руку за спину. Девушка дергается в безуспешных попытках освободиться, а урод, резко притянув ее к себе, усмехается, тычась губами ей в висок:

— Вот увидишь, я буду у тебя первым! Не пожалею денег на молодую пиз**нку!

Эмбер задергалась еще сильнее — с леденящей душу злостью вижу грязную руку мужчины, начинающую шарить у нее под юбкой. И в этот момент мое подсознание среагировало само — я дернулась что есть сил в ее сторону, с твердым намерением убить уroda на месте, но жесткая рука Главного с силой схватила меня за волосы, не давая сделать ни шагу. Но не сильная боль от натяжения волос заставила меня отчаянно вскрикнуть — как в замедленной съемке я увидела подпрыгивающую по полу бусину, сдернутую от рывка. Отчаянно пытаюсь наклониться и поднять ее, ведь это пусть и одностороннее, но единственное мое средство связи с Бесстрашными, но сделать этого мне было уже не суждено. Главный, не церемонясь, стянул мне руки пластмассовыми наручниками и толкнул к выходу.

— Живее, мать вашу! — рявкнул он на своих подчиненных, заставив тех быстро закончить процедуру.

За спиной, судя по звукам, вырвавшаяся из рук насильника Эмбер упала на пол, но ее быстро подняли и, точно так же связав руки, выпихнули из подвала.

Дорога в старом микроавтобусе с покрашенными темной краской окнами, запомнилась лишь невыносимой тряской, плачем девчонок, грязным жестким полом, от которого ныли голые колени, и пугающей неизвестностью. Но вот, наконец, машина остановилась, двери распахнулись, впустив в затхлый салон поток свежего воздуха и солнечный свет. Но увиденное не принесло облегчения, а пугающая неизвестность перешла в ужасающую уверенность — все самое плохое только начинается, ведь мы стояли перед подземным переходом — полуразрушенной, заваленной хламом лестницей, ведущей глубоко под землю, в самые темные

и мрачные глубины бывшей Чикагской подземки. Из которой, как поговаривают, еще не выходил ни один пленник.

Унылой группой бредем по темным тоннелям бывшего метро, спотыкаясь об остатки рельс, ржавыми змеями уходящими далеко в темноту. Желтоватого света аварийного освещения явно не достаточно, чтобы осветить огромные подземные пространства, но даже в его тусклом свете видно, что этими путями пользуются часто — дорога отлично утрамбована, также видны следы автомобильных шин. Мы же передвигаемся пешком, с каждым шагом уходя все дальше и дальше от спасительного солнечного света. Что нас ждет там, впереди, не знает никто. С тоской и ужасом вспоминаю упавшую на пол бусину — единственный передатчик, через который группа Бесстрашных могла слушать происходящее кругом. Все, что на мне осталось — это многочисленные датчики слежения, но если их сигнал не сможет пробиться сквозь толщи земли — я обречена. А вместе со мной — еще пятеро ни в чем не повинных девчонок. Кто бы знал, ну кто бы мог только представить, что я готова была отдать сейчас за ту самую бусинку!!! Малюсенький кусочек пластика с хитрой электроникой внутри, благодаря которому у меня было хотя бы призрачное ощущение защищенности и тыла за спиной...

После двадцатиминутного блуждания по гулким коридорам, давящим на психику своей чернильной темнотой и могильным холодом, выходим, наконец, в относительно обжитые места. Череду лестниц, и вот мы уже под прицелом автоматов входим в небольшую ярко освещенную комнату, гулкая пустота которой с успехом компенсируется клубами табачного дыма, повисшего в воздухе. Несколько находящихся в комнате мужчин встречают нас радостными возгласами, а мне тут же хочется удавиться от скользящих по телу оценивающих глаз. Судя по всему, партия очередного товара пришлась им по вкусу, и один из мужчин, выпустив в нашу сторону струйку сизого дыма, громко произнес:

— Добро пожаловать, красавицы! Чувствуйте себя как дома — проходите, располагайтесь!

Ответом ему было угрюмое молчание шокированных девушек и довольный смех мужчин.

А у меня земля ушла из-под ног. Сердце забилося где-то в горле, а потом рухнуло вниз, поцарапав по пути все внутренности. Подкатившая к горлу тошнота заставляет пошатнуться на месте, а изо рта вырывается глухой стон. Вся комната будто бы наполняется плотным туманом, сквозь который в меня впиваются двумя сверлами до ужаса знакомые карие глаза. Темные волосы, порочные черты лица, полные губы, растянувшиеся в жестокой усмешке.

Мой единственный враг, агрессивный и, на мой взгляд, психически нездоровый человек, из-за меня избитый Эриком, пониженный в должности и сосланный на службу на самый дальний кордон. Злая насмешка судьбы — он оказался одним из них, и не мог меня не узнать.

Катон издевательски приложил к растянутым в улыбке губам палец с призывом молчать. Глаза Бесстрашного светились торжеством, а полные губы искривились в похабной ухмылке.

Без источника связи, без возможности передать информацию наверх, в руках врага... Катон не дурак, сразу догадается, что я, жена Лидера, не просто так нахожусь здесь, одетая в изгойские тряпки.

Устало прикрываю глаза, лишь бы не видеть этого вызывающего отвращение ублюдка, который, я в этом уверена, уже прокручивает в голове свои обычные мерзости, дабы не упустить возможности отомстить мне за все. Похоже, я прожила недолгую, но яркую жизнь. До боли в висках сжимаю зубы и пытаюсь унять бешено стучащее сердце — в любом случае, я так

просто не сдамся.

Комментарий к Карми. Встреча. Juliet, спасибо за тонну вдохновения)))

===== Карми. Подарок =====

Тишину очередной скудно освещенной комнаты нарушает лишь дыхание сидящих на полу шести девушек, устало прислонившихся к стене. Глаза закрыты, ноги поджаты в попытках согреться, а руки так и скованы за спиной.

Перемещение под землю, в запутанные темные лабиринты заброшенного метрополитена, никак не изменило нашего положения. Точно так же мы сидим все вместе в небольшой темной комнатке и так же, теряясь в догадках о дальнейшей судьбе, ждем своей участи. После своего прибытия в центр, где, как я понимаю, и будут проходить торги, встретившие нас люди порадовались тому, что «товар первоклассный» и щедро расплатились с нашими охранниками. Вальяжный темноволосый мужчина, судя по подобострастному отношению своих подчиненных – самый главный тут, любезно разъяснил нашу дальнейшую участь. Сейчас мы ждем прибытия еще пары несчастных, так же обреченных на продажу, и уже совсем скоро начнутся торги среди желающих купить себе очередную рабыню. И очень повезет тем, кого купят для, как он выразился, личного пользования, а не общественного, ведь попасть в изгойский бордель – подобно смерти, в прямом смысле этого слова. Во время его пламенной речи, щедро сдобренной грязными и мерзкими подробностями будущей «работы», мое сознание будто бы разделилось на две части. Одной половиной я ужасалась тому, какой отвратительной бывает жизнь самого дна нашего общества, о которой я и понятия не имела еще каких-то пару-тройку дней назад. Второй половиной я холодно и рационально анализировала и запоминала все, что видела – расположение бесчисленных коридоров, уровней и лестничных пролетов, лица участников и личность Главного, основной моей цели. И со злостью отгоняла предательские мысли, что операция сорвется, а меня либо убьют, либо я навеки останусь здесь ждать смерти.

Впитываю информацию, стараясь смотреть куда угодно, только не на темный угол комнаты, куда не доходил свет от нескольких ламп, висящих под потолком. Темнота бросала страшные тени на лицо стоящего дальше всех Катона, искажая его и без того отвратительное лицо до не узнаваемой гримасы. Хотелось завопить от бессилия и ужаса – ну как так могло получиться, что он оказался здесь?! И становилось все дурнее от того, что время шло, а он не делал никаких попыток выдать меня. Всего одно слово – и пуля в лоб мне обеспечена. Но, похоже, он не желал мне легкой смерти – судя по мечтательному выражению лица, планы на меня у него были более обширные. И, немного зная его, понимаю, что он с удовольствием оторвется на мне за все унижения, ведь предел мечтаний такого человека – скулящая от ужаса и боли жертва, отсчитывающая свои последние секунды.

Боже, во что я вляпалась!!! Ну ведь нормально же все начиналось! Ну, по крайней мере, в рамках плана. Но с этой секунды план пошел ко всем чертям.

Сидя в темной комнатке в окружении таких же уставших горевать девушек, я пытаюсь, но никак не могу сдержать слез. Поднимаю голову, отчаянно моргаю, лишь бы никто не увидел моей слабости. Тонкие пластмассовые жгуты, которыми стянуты руки, до боли впиваются в кожу, а мне так хочется закрыть лицо руками, сжаться в комочек, затаиться, исчезнуть. Задание заданием, и не такое выполняли, но появление этого мерзавца выбило меня из колеи. Как же, черт его побери, не вовремя!

- Карми! Карми, я... - тихий, еле слышный шепот обращающейся ко мне Эмбер прерывается глухим звуком открывающейся двери. К своему ужасу вижу входящего Катона. Мужчина вошел, аккуратно прикрыл за собой дверь и обвел сидящих на полу девушек довольным взглядом. Увидев меня, заулыбался, от чего по моей спине пробежал холодок страха. Нарочито медленно, пугающе-расслабленной походкой двинулся в мою сторону, на ходу доставая из кобуры пистолет и снимая его с предохранителя. Я же неловко, опираясь скрепленными за спиной руками о холодный бетон стены, поднимаюсь на ноги - лучше встретить все его фантазии лицом к лицу, стоя с высоко поднятой головой, нежели униженно сидеть в ногах.

- Какого хрена ты здесь... - голос предательски срывается на хрип, а Катон, успевший подойти очень, ну просто очень близко, в очередной раз прикладывает палец к губам.

- Шшшш, - из рта улыбающегося мужчины вырывается шипение, призывающее молчать. Что я и делаю, внутренне холодея от безумного блеска, пляшущего в его глазах. Он безумен, он абсолютно точно не в себе. Сказать, что жизнь не начала налаживаться - ничего не сказать.

Встав почти вплотную, так, что от его дыхания волосы на макушке начали немного шевелиться, он замер, в упор разглядывая меня. С огромным удовольствием он впитывал мой страх, который, как я не старалась, скрыть не получалось. Чтобы не смотреть на него, опускаю глаза, но взгляд тут же натывается на зажатый в руках пистолет, снятый с предохранителя. Сидящие на полу девушки замерли.

Свободной рукой Катон достает из кармана и включает небольшое устройство, тут же загоревшееся синими огоньками, извещающими о готовности к работе. Узнаю знакомым всем Бесстрашным детектор, с помощью которого можно легко и быстро уловить сигналы передатчиков, таких, как вшитые в мою одежду датчики слежения, к примеру. Подносит плоский экран прибора к голове и медленно ведет вниз. На уровне шеи детектор слабым писком информирует о найденном сигнале. Катон, ухмыльнувшись, хватая меня ледяными пальцами за подбородок, приподнимает голову, пристально вглядывается и, конечно же, легко находит две красные точки, оставшиеся на коже после вживления датчика. Медленно проводит по ним пальцем, от чего я дергаюсь, в надежде стряхнуть с себя бесцеремонные руки, за что тут же и расплачиваюсь - в горло мне утыкается стальное дуло пистолета, вызывая страх и очень даже болезненные ощущения.

Рука с зажатым в ней прибором двигается ниже - от груди к животу. На уровне подола, прикрывающего колени, датчик вновь срабатывает на вшитые по краю тонкие пластины передатчика. Посмотрев на экран, Катон кивает, как бы соглашаясь с тем, что иначе и быть не могло. Быстро ведет прибором вдоль ног и ботинок, убеждаясь, что больше никаких датчиков нет. Прижав предплечьем правой руки шею к стене, заставляет меня закашляться, а сам, приподняв подол платья, уже холодит бедро поднимающимся все выше устройством поиска. Платье поднимается, уже виден край трусиков. Протестующе стону, от чего давление на шею только усиливается, а темные глаза не отрываясь смотрят, наслаждаясь моим ужасом и отвращением. Налюбовавшись, наконец вытаскивает молчащий детектор из-под подола - в нижнем белье датчиков точно не наблюдалось, уж чего нет, того нет.

Не переставая придавливать меня к бетону, наклоняется и проводит языком по шее, заставляя застонать от отвращения и брезгливости. Дергаюсь, но стальная рука с легкостью удерживает меня на месте. Воцарившуюся в комнате нереальную тишину нарушает змеиное шипение.

- Карми...- поняв, что на мне нет микрофонов, и его никто не услышит, Катон, наконец, подал голос, - моя дорогая Карми, самая лучшая соска Бесстрашия, оказалась здесь всего лишь с жалкими датчиками слежения. Не сильно тебя, похоже, Эрик ценит.

В низком голосе мужчины в отвратительном коктейле смешались похоть, злорада и мстительность. Долбаный псих, отморозок, ублюдок, урод, похотливый говнюк – изо всех сил зажмуриваю глаза, лишь бы не видеть эту отвратительную рожу и не разрыдаться при нем. Сама, лично, отвезу тебя, оглушенного лошадиной дозой нейролептика в психушку к Эрудитам. Гнить тебе вечно, лежа в закрытой палате со связанными кожаными ремнями руками и ногами, обдолбанным сильнейшими транквилизаторами, пропитанным насквозь потом и мочой. Мечтать – это единственное, что мне оставалось делать, стоя перед этим чудовищем, руки которого уже совершенно недвусмысленно начали скользить по моему телу. Если бы не заряженный пистолет в его руках, я бы, честное слово, постаралась бы убить его, задушить, выцарапать глаза, вырвать его поганый язык, но с оружием приходится считаться. В тесной комнатке, полной девчонок, последствия стрельбы могут быть непредсказуемыми, поэтому мне приходится стоять, молча глотая слезы и унижения.

- Катон, – сглатываю ком в горле, мешающий говорить, и отворачиваюсь в попытке увернуться от шарящих рук, – пожалуйста, убери пистолет, давай поговорим. Пожалуйста.

В ответ мне раздается визгливый смех – громкий, страшный, абсолютно неуместный.

- О чем, детка? Это лучший день в моей жизни – такие подарки не каждый день получаешь! И поверь, я найду способ как пообщаться нам спокойно, наедине.

Небольшое чувство облегчения приносит осознание факта, что Катон здесь ничего не решает, хоть и Бесстрашный. Скорее всего, здесь он мелкая сошка, что-то типа охраны. Говорят, психам нельзя перечить, с ними надо разговаривать спокойно и во всем соглашаться.

- Ладно, хорошо, – киваю я, радуясь, что он наконец убрал руки с моей задницы, – но ты же должен быть на кордоне, обеспечивать безопасность города.

Прозвучало, как упрек, и я внутренне напряглась, ожидая новую волну агрессии, но Катон, на удивление, лишь пожал плечами.

- А что там делать? Скучно, – и поигрывая пистолетом у меня перед лицом, зловеще добавил, – а здесь весело.

- Зачем тебе это? Чего там-то не хватает?

- Там – по долгу службы, а здесь – за идею, – подмигнул от меня. Оглядев застывших на полу девушек, медленно прошелся по комнате, поигрывая пистолетом.

- Но сейчас стало в разы интереснее, – черное дуло вновь направленно на меня, – он ведь придет за тобой, да, детка? Ты ведь ждешь и надеешься?

Оба понимаем, что речь идет об Эрике. Дождавшись от меня несмелого кивка, продолжает:

- А уж я-то как надеюсь. Обещаю достойно встретить нашего Лидера. А ты будешь отличной приманкой. Если раньше трахаться куда-нибудь не увезут, конечно. Но не переживай, я позабочусь, чтобы все твои датчики показывали нужное местоположение, а тебе обеспечили местечко «потеплее». Замолвлю за тебя словечко. Эрик ведь тебя всему научил, детка?

Резко наклонившись, вытаскивает из голенища длинный нож и командует:

- Повернуться спиной!

Наблюдаю, как он делает то, зачем наверняка его к нам и отправили – срезает жгуты с запястий каждой из девушек, оставив меня напоследок. Наконец, приближается, заставляя в который раз уже содрогнуться – с пистолетом в одной руке и ножом в другой, со зловещей ухмылкой на лице и с болезненным блеском безумных глаз, он опасен как никогда. Сейчас, здесь, его не сдерживают законы фракции, неотвратимость наказания и общепринятые нормы. И я в его руках.

Не выпуская оружия из рук, резко накидывает руку на шею и притягивает к себе, впиваясь жесткими губами и залезая языком мне в рот. Противно, а от ощущения скользящего по шее острия ножа начинаю скулить в голос.

Наконец, отпустив меня и быстро срезав жгут с рук, уходит. Судорожно выдыхаю, и, быстро вытерев губы, разминаю покрасневшие запястья, стараясь не поднимать взгляда на смотрящих на меня во все глаза изгоек.

- Бестрааашная, – недобро протянула сидящая в углу Старшая. Усмехнувшись, добавила, – а это будет интересно.

Поднимаю на нее пристальный взгляд, от которого изгойка смущается и отводит глаза. Взгляд, скопированный у Эрика, еще ни разу не подводил.

Сидящая около нее Эмбер встала и, неуверенно оглянувшись, быстро пересела ко мне.

- Карми, не знаю, важно это или нет, но вот... я успела поднять с пола, когда упала, – девушка раскрывает сжатый кулак, а у меня замирает сердце – у нее на ладони лежит та самая бусина-передатчик, сдернутая у меня с волос еще до приезда сюда. Та самая, которой так не хватало и которая появилась так неожиданно. Аккуратно подцепив ее пальцами, сжимаю в кулаке и больше не сдерживаю слез. Невероятное напряжение, страх и ужас от практически сорванного плана заставляют поток слез бесконтрольно литься по щекам, оседая солью на улыбающихся губах. В голове рефреном звучит голос Марса: «Мы будем слышать все, что ты говоришь, а также звуки в радиусе примерно десяти метров». Они слышали всё, до последнего слова, а значит будут готовы к появлению на их пути опытного вооруженного Бесстрашного. Не удержавшись, еще раз для верности и собственного успокоения шепчу мерцающей черной бусинке:

- Эрик, здесь Катон. У него оружие и он... неадекватен. Будь осторожен. Пожалуйста.

Последнее слово бессильно выдыхаю, как наяву видя перед собой Лидера – сжатые до побелевших костяшек кулаки, мечущие молнии серые, такие родные глаза и четко очерченные губы, cedящие: «Урою суку».

Комментарий к Карми. Подарок PS: Следующая глава будет

POV

Эрик.

===== Эрик. Штурм. =====

.

Урою суку.

Сжимаю зубы все сильнее – аж виски заломило. Злиться остается только лишь на себя – ну какого хера я не убил эту мразь раньше? Давно ведь напрашивался, нарывался. Но такого я не ожидал даже от него...

«Будь осторожен. Пожалуйста».

Искаженный электроникой тихий голос переворачивает все внутри меня, отдаваясь тяжелым стуком крови где-то в голове. Хочется орать от бессилия, швырять и убивать, но, сжав посильнее кулаки, лишь киваю – буду, хорошая моя, обязательно буду. Если и подохну, то исключительно после того, как повешу Катона за яйца, а тебя накажу за саботаж. Ну ведь как жопой чувствовал, что это не рядовое задание, что с ним будут проблемы. Но убедил себя, что друг другу надо доверять, дать девочке шанс – слюни, короче, распустил, гребаный лирик. Знал же, что буду ненавидеть себя за это решение. Я и ненавижу – себя, изгоев, эту упертую дуру и свою руку, уже почти задушившую как-то Катона, но дрогнувшую в последний момент. Больше не дрогнет.

Вдавливая педаль газа до упора, мчусь на максимально возможной скорости по разбитому асфальту и тешу себя картиной, как беру чертову девку за шкирку, тащу в административный корпус и силой усаживаю на стул в канцелярии, приковывая наручниками к папке с документами. Всю жизнь чтобы там сидела – все, добежалась. Вытащить бы ее только живой и невредимой...

За прошедшие сутки я выкурил столько сигарет, сколько не курил за всю свою жизнь. И плевал я в тот момент, как это скажется на физической форме. С каждым часом становилось все хуже – микрофон в ее волосах передавал то приказы раздеться, то циничные комментарии по поводу фигур девушек, то звуки насилия. А потом – плач, звуки борьбы, крики и писк электроники, по которому мы поняли, что девушек уводят, а бусина соскочила, но каким-то чудом продолжила исправно передавать все звуки.

- Строем, мать вашу! Поторапливайтесь!

Добравшись до объявленного места сборов, без какой-либо надобности подгоняю бойцов, спешно выпрыгивающих из тентованного грузовика. Оружие, гранаты, черное штурмовое обмундирование трех отборных подразделений, действующих четко и слаженно – мы как никогда готовы разнести весь этот гадюшник к чертовой матери. Надвигаю на лицо защитный щиток маски и проверяю оружие – Катону, уверенному, наверняка, что после моей смерти именно его назначат Лидером, жить оставалось последние часы.

- Схема старая, и ее актуальность на сегодняшний день будем проверять прямо по ходу штурма, – громко извещает Марс столпившихся бойцов, раскладывая на капоте автомобиля ветхий кусок бумаги, бывший когда-то подробным планом устройства Чикагской подземки, – что-то, возможно, перестроено, что-то заблокировано. Действуем по заранее намеченному сценарию – первое подразделение – прикрытие, второе – штурм, третье – зачистка.

- Стрелять на поражение, – подаю я голос, – пленных не брать. Кроме одного – Катона доставить ко мне живым. С головы женщин чтобы не упало ни одного волоса. Всем ясно?

- Эрик, – занервничал Марс, – всех на поражение? Это же...

- Под мою ответственность! – рявкаю я, а Марс, поджав губы, лишь равнодушно пожимает плечами. Силовая операция на неизвестной никому территории противника не располагает к сантиментам.

- Эрик, - зовут меня, - второй канал! Срочно!

Переключаю рацию на прием и замираю - сбивчивое дыхание, деланно бодрый голос, от которого внутри все тоскливо сжимается. Карми, как и договаривались, при первой же возможности передает полученные данные - описание главных действующих лиц, количество пленных, технические подробности помещений и наличие у противника вооружения. Четко и отрывисто, лишь голые факты, но в каждой фразе, в каждой паузе я слышу страх. Поток информации давно закончился, а я так и стою, с силой вдавливая в ухо наушник, отчаянно желая вновь услышать ее голос - испуганный, но живой.

- Мы ее вытащим, - подошедший Марс заботливо хлопает меня по плечу, - и ты это знаешь.

Стряхиваю с себя секундное оцепенение и, обведя тяжелым взглядом шеренгу бойцов, команду:

- Вперед!

Грохот сотен берцев разбавляет сонную тишину изгойского квартала. Подойти ко входу, которым ранее воспользовались похитители, незамеченными, и не спугнуть их раньше времени невозможно, поэтому идем совсем в другую сторону, к неказистой будке с решетчатыми стенами.

- Есть еще кабельный коллектор, идущий из тяговой подстанции в тоннели, но я решил, что это опасно - вдруг там кабели под напряжением, - выданный в помощь Эрудит, изучивший систему метрополитена вдоль и поперек, безуспешно пытается выдержать наш чересчур быстрый темп. То отставая, то переходя на бег, догоняет меня и срывающимся голосом продолжает, - поэтому оптимальный вариант - через воздухозаборную станцию, по вентиляционному стволу вниз. Если гермозатвор не перекрыл выход, то вы окажетесь прямо на нижнем уровне. А если перекрыл, то даже не знаю...

- Взорвем к чертям, - цежу я, взбешенный донельзя непроработанностью плана, сулящей немалые потери.

- Он выдерживает взрывную волну до трех бар, но если примените новейшую обработку октогена...

- Заткнись!

Обиженный Эрудит что-то пытался сказать, но захрипел и отстал окончательно. И без этой ученой крысы знаю, как и в каких случаях пользоваться взрывчаткой.

- Не закроют они гермозатвор. Задохнутся ведь! - качает головой Марс.

Киваю и, выбив ногой дверь, первым вхожу в вентиляционную камеру. Через несколько минут туда же просачивается тяжело дышащий вездесущий Эрудит, никогда в жизни еще, наверное, так быстро не передвигавшийся. Эх, погонять бы вас, щенков, по плацу с полным боекомплектом.

- Уже давно система подачи воздуха переведена под землю - они подстраховались, чтобы нельзя было вырубить ее без их ведома. Но мало кто знает об аварийной системе перезапуска! - лицо молодого Умника осветилось превосходством. - При нажатии вот этой мало заметной кнопки через какое-то время все вентиляторы остановятся, и у вас будет ровно восемь минут до их перезапуска на реверс.

Восемь минут – катастрофически мало. Но выбора нет, поэтому приказываю без промедления начинать подготовку к спуску на более чем восемьдесят метров вниз.

Отстранено наблюдаю, как надежно закрепленные альпинистские тросы уносят бойцов вниз, по трое, в темноту и неизвестность. Огромные лопасти вентиляторов, способные в долю секунды перерубить в фарш все живое, временно молчат, и целых восемь минут огромная труба вертикального тоннеля относительно безопасна. Если, конечно, успеть. Наконец, моему нервному нетерпению приходит конец – моя очередь спускаться, и вот я уже скольжу вниз, упираясь ногами в осклизлые стены и пропуская сквозь пальцы гибкий прорезиненный трос.

На удивление, первая часть плана прошла без серьезных происшествий. Не считать же таковыми, в самом деле, десяток-другой порезов от торчащей тут и там оголенной арматуры, да разбившегося насмерть бойца, которому не хватило мозгов проверить личную систему креплений. Естественная убыль, неизбежные военные потери – это Бесстрашие, поэтому горевать и трагично заламывать руки никто не стал, а лишь переступили через поломанное тело и бросились вперед, к цели. К той самой, маршрут к которой четко высвечивается на мониторе слежения. Маршрут, по которому они вели мою Карми.

Следующие полчаса запоминаются лишь грохотом выстрелов да окровавленными лицами мертвых врагов, тут и там попадающими в зону освещения фонарей на винтовках. Плотной группой прорываемся все дальше и дальше, на каждом повороте точным выстрелом убирая очередного патрульного. Свое преимущество – внезапность и отличную боевую подготовку – используем по полной, не считаясь с потерями. Как гончая, почуявшая добычу, несусь вперед, не замечая никаких преград. Наше везение – в слабой дисциплине и скудном вооружении врага. Вздрагиваю, когда желтый круг света выхватывает из темноты знакомое лицо – бывший Бесстрашный, вынужденный уйти к изгоям из-за инвалидности. Не тем путем ты пошел, не тем. Выстрел. На том свете еще спасибо мне скажешь, что покончил с твоим жалким существованием.

Тело будто бы живет своей жизнью, четко и молниеносно выполняя все необходимые маневры, пока в голове пульсирующей болью бьется одна единственная мысль – где ОНА?!

Чем ближе к месту назначения, тем более ожесточенные бои завязываются в каждом переходе или разбитой заброшенной станции. Разделяемся на несколько атакующих отрядов, давим со всех сторон, максимально и вдумчиво с каждым выстрелом сокращая численность изгоев все больше. В наушнике звучат лишь сухие цифры, произносимые командирами отрядов. Цифры, перешедшие уже третий десяток, и означающие наши потери – количество убитых бойцов. Счастье, если сегодня домой вернется хотя бы половина Бесстрашных.

В разгар самого массового противостояния, в тот самый момент, когда приходилось штурмовать отлично защищенный уровень, на котором скрывались организаторы, в наушнике прозвучал отчет Марса:

- Эрик, пленные найдены – четыре женщины, без признаков ранений. Дождемся, когда очистят выход и будем выводить. Эрудитка тоже здесь. Вот только... – Марс, судя по звукам, судорожно вздохнул, а у меня болезненно засосало под ложечкой, – Карми нет. И Катона. Говорят, пять минут назад он спешно увел ее, угрожая пистолетом. Еще одна какая-то девчонка выскочила за ними. Я не вижу сигнала ее датчиков! А ты?

Кидаю быстрый взгляд на свой монитор и облегченно выдыхаю – мерцающая еле заметная точка быстро движется в сторону от первоначального местонахождения. Заревев от душившей

ярости, вскакиваю на ноги и, не обращая внимания на бой вокруг, бегу туда, где моя девочка совсем одна, безоружная, с хуй его знает на что надеющимся психом. Быстро передаю по радиации данные и бегу, бегу изо всех сил, от отчаяния чувствуя себя героем нелепых кошмаров. Время и пространство вдруг стали вязкими, липкими, тянущими обратно и не дающими сделать шаг. Гребаное сплетение коридоров, этажи, лестницы, переходы – казалось, этот кошмар не закончится никогда.

Я иду, иду, Катон. Тем более, что ты меня так ждешь.

Урою суку.

===== Эрик. Агония. =====

Казалось, я знаю о пытках всё. В Бесстрашии их гуманно называют «Методами усиленного допроса», но суть от этого не меняется. Человеческое тело — хрупкая субстанция, психика — не стабильна, а идей использования холода, огня, воды, электричества или остро наточенных ножей так много... Что уж скрывать, один раз и сам попал в плен к изгоям, где испытал некоторые приемы на своей шкуре.

Но сейчас я как никогда желал этих пыток, чтобы чувствовать боль — физическую, мучительную, но такую понятную. Но моя личная пытка оказалась куда изощреннее.

Тускло мерцающая и постоянно пропадающая точка на мониторе, указывающая положение Карми, быстро двигалась по прямой, но в какой-то момент остановилась. Просто замерла на месте, вызвав своей неподвижностью бурный поток рвущего кровеносные сосуды адреналина. Замерла, застыла, перестала двигаться. Усилием воли отгоняю от себя вмиг вставшие перед глазами отвратительные картины и бегу вперед, кляня все на свете. В одном из коридоров скидываю оружие при виде выбегающей мне навстречу фигуры.

— Эрик, свои! — выкрикивает фигура голосом Марса. В руках мужчины — схема устройства подземки, позади — несколько бойцов с автоматами.

— Точка больше не двигается, — демонстрирую ему монитор с намертво застывшей отметкой. Макс кивает и затем, внимательно посмотрев на меня, с напором говорит:

— Это ничего еще не значит ведь, просто...

— Я иду туда.

— Эрик, подожди, — еще раз заглянув в монитор и сверившись с подсвеченной фонарем картой, Макс довольно кивает.

— Судя по схеме, они в бывшем операторском зале, — Марс тычет куда-то пальцем. Видя, что я не реагирую, с тревогой смотрит мне в лицо и чуть громче добавляет, — идти напрямую нельзя — в этом помещении всего один вход. И если Катон нас там ждет — будем как мишени в тире. Обычную схему штурма нельзя ведь использовать, правильно?

Обычная схема — это силовой захват с применением взрывчатки или удушающего газа.

— Ты еще спрашиваешь, мать твою!!! — и, шумно выдохнув, цежу сквозь зубы, — продолжай.

Командир разведки, знающий меня слишком давно, чтобы обращать внимания на такие вспышки, показывает на полустертой схеме огромный зал, в котором и замерла точка, а также длинный узкий коридор, идущий над этим залом.

— Прямо над ними — вытяжной коллектор, регулирующий давление и циркуляцию воздуха. По сути — пустой коридор с вентиляционными решетками. Если удастся проникнуть в эту систему — будем у них прямо над головами. Вентиляционные решетки двойные, но, думаю, получится незаметно и тихо вытащить обе, и тогда уже спускаться по тросам вниз. Сверху Катон нас вряд ли ждет.

Молча киваю — выбор все равно не велик.

Срезать замки и проникнуть в систему вентколлектора оказалось плевым делом. Бесшумно ступая по сугробам серой пыли и тщательно обшаривая фонарями каждый сантиметр затхлого, покрытого двухсотлетней плесенью коридора, продвигаемся все ближе к заветному месту. Идем по одному, друг за другом — коридор настолько узкий, что кое-где приходится вытирать плечами грязные стены.

Сначала я услышал голос. Потом увидел слабое электрическое свечение, льющееся в наш коридор из решетки, расположенной на полу. Бесшумно, чуть ли не на цыпочках, подхожу и, опустившись на колени, наклоняюсь, всматриваясь в железистые ячейки.

-... потому что хочется свободы, детка! Свободы, понимаешь?

Довольный голос Катона разносится по огромному гулкому помещению. Одетый по форме фракции, с пистолетом в руке, он вальяжно расхаживает перед... Тут сердце сделало болезненный рывок и застряло где-то в горле. На стуле перед ним сидит Карми. Поникшая, со связанными за спиной руками, с обреченно опущенными глазами. Растрепанные темные пряди падают на лицо, она периодически мотает головой, пытаясь их убрать, но они снова и снова рассыпаются по бледной коже. Даже с высоты в более чем три метра сквозь неверные просветы решетки вижу ярко-красный порез на левой скуле. Уже сил не осталось думать о том, что я сделаю с этим гандоном. Они не прямо под нами, а на несколько метров левее, от чего мне приходится сильно наклоняться над решеткой, чтобы под большим углом видеть, что происходит.

Катон, на миг прервав свое движение туда-сюда, остановился напротив Карми, которая вмиг напряглась и втянула голову в плечи, не ожидая ничего хорошего. Протягивает руку, от чего девушка опасливо дергается в сторону, и сжав одной рукой ее подбородок, приподнимает голову и убирает волосы с лица. Отпускает и, заложив руки за спину, вновь начинает ходить и разглагольствовать.

— Бесстрашие хорошо само по себе, детка, но что толку от власти, оружия и боевых умений, если ты не можешь их использовать для собственного блага?

Нехотя оторвав взгляд от Карми, считаю — четыре шага вперед, разворот, пять обратно, разворот. Шесть секунд в одну сторону, семь с половиной в другую.

— Ты мог бы добиться большего. Ты и способен на большее — способен помогать своему городу, защищать жителей, а не здесь, с этими нелюдьми... — Карми говорит осторожно, тщательно взвешивая каждое слово, боясь неверной интонацией вызвать негативную реакцию. Не знакомая, наверняка, с клинической психиатрией, она интуитивно выбирает верный тон для общения со съехавшим с катушек опасным противником.

— Поверь, именно сегодня у меня есть отличный шанс «добиться большего», — последние слова Катон произносит, издевательски копируя тон Карми, — а именно — стать одним из претендентов на пост Лидера. Разряжу в Эрика всю обойму, трахну его девку и пойду отчитываться перед Максом о «неизбежных военных потерях». Может, даже всплакну для правдоподобности.

В полной тишине слова ублюдка слышны далеко за пределы комнаты. Марс, тщательно обследующий вместе с помощником решетку на предмет креплений, еле слышно выругался. Хочется наорать на них всех, чтобы пошевеливались, но нельзя себя выдать ни словом, ни жестом.

В этот момент мой личный кошмар начал набирать обороты. Катон, в очередной раз проходя мимо Карми, остановился, постоял несколько секунд, перекатываясь с пяток на носки, а потом вдруг мягко опустился перед ней на корточки.

— Ну же, улыбнись. Тебя сегодня ждет такое представление! А потом... — руки парня с узловатыми длинными пальцами, сжимающими пистолет, легли на колени девушки, а потом начали издевательски-медленное движение вверх по бедрам -..., а потом сладкий подарок. Последний сладкий подарок.

Карми, всхлипнув, заерзала на стуле и попыталась отодвинуться. Тогда Катон, разом сменив ироничный тон на неприкрытую агрессию, резко схватил ее под колени и раздвинул ноги, запустив руки под подол платья. Правда, усмехнувшись, почти сразу вытащил, поднялся с колен и опасно оглянулся на дверь, проверяя, не упустил ли он в своем порыве какой-либо опасности.

— Верно говорят — Бесстрашным девкам хоть иголки под ногти вгоняй, вынесут любые пытки. Но поставь перед ней толпу мужиков с эрегированными членами наперевес — и все, от Бесстрашной и следа не останется. Будет вить и умолять о пощаде хуже Убогих.

Моя стойкая, всегда такая ироничная девушка, лишь сильнее сжимавшая зубы, когда я, мудака, насиловал ее, сидела и отчаянно всхлипывала, роняя слезы на платье, из последних сил стараясь не разреветься в голос.

И именно в этот момент я понял, что есть пытки в разы страшнее всех, виденных мной за всю жизнь. Лучше раз за разом терять сознание от дикой боли после ударов током или захлебываться от принудительно заливаемых в глотку тонн воды, нежели молча стоять и наблюдать сверху, как этот ублюдок позволяет себе распускать руки. Нельзя сказать ни слова, нельзя лишний раз пошевелиться или зашуметь. Невозможно с этой позиции одним выстрелом продырявить его башку, невозможно кинуть взрывчатку. Можно только внутри себя вить от бессилия, до хруста и дикой боли сжимать кулаки и пытаться унять бьющую всю тело дрожь ярости и ненависти. Я тебя голыми руками на куски разорву, дай только добраться.

— Шевелитесь, блядь, — не выдержав, шиплю Марсу.

— Все заржавело, так просто, да еще и бесшумно не вытащить, — шепчет мне Марс в ответ.
— Хотя, можно попробовать вот это.

Мельком взглянув на какой-то аэрозольный баллончик в его руке, вновь перевожу взгляд на помещение снизу. Стараясь не обращать внимания всхлипывающую Карми и мелькающего туда-сюда Катона, рассматриваю операторский зал. Грамотно обустроился, сучонок — поломанное оборудование, различные агрегаты и огромные пусковые установки, более двухсот лет назад обеспечивающие бесперебойную работы всей системы подземного движения, сейчас

огромными барьерами расставлены между входной дверью и углом, в котором затаился мой злейший враг. В случае штурма через дверь эти барьеры будут ему отличным подспорьем. Но нам, собирающимся проникнуть сверху, помешать не должны.

Легкое шипение аэрозоля заставляет покрыться испариной — если он сейчас услышит шевеление сверху, то дальнейшие действия этого дебила будет трудно предсказать. Моя девка там одна, безоружная — идеальная мишень.

— Есть, идет! — шепчет Марс одними губами и ловко выворачивает первый винт.

Ржавчина остальных креплений разъедается еще быстрее, и вот уже через несколько минут первая решетка аккуратно снята и перемещена в сторону. Тем же путем обрабатывается вторая. Но в момент, когда начали ее поднимать, случилось непредвиденное. Еще секунда — и весь наш план был бы обречен на провал. Потревоженная пыль, облепившая решетку за сотни лет, серыми хлопьями полетела вниз, отлично видимая в ярком электрическом свете. В этот момент Катон стоял спиной, в очередной раз псевдо-заботливым жестом убирая Карми волосы с лица и с остервенением рассказывая ей о всех обидах, которые я успел ему нанести.

А вот Карми пыль увидела — подняв удивленный взгляд вверх, тут же резко отвела в сторону, чтобы не выдать предмета своего интереса. Не давая Катону ни секунды, чтобы обернуться, неловко из-за связанных рук, сползает со стула и встает перед ним на колени. У меня невольно отвисает челюсть, а она включает дурочку.

— Может, я могу как-то извиниться за него? Ну, как смогу в данных обстоятельствах. А ты меня потом отпустишь. Ну пожалуйста. С Эриком сам разбирайся.

Вульгарно облизывает губы, игриво смотря на него снизу вверх. Такого блядского выражения на ее лице я еще не видел. В очередной раз реву я про себя раненым зверем, прекрасно понимая, что девчонка выиграла нам десяток-другой жизненно необходимых секунд. Катон заливается смехом:

— Перед смертью не насосеешься, детка! Хотя, это поможет скрасить ожидание.

Он только успел расстегнуть пряжку ремня, как я уже был внизу. Но Катон не был бы Бесстрашным, если бы не обладал натренированной годами интуицией и рефлексам. Развернувшись и осознав, кто стоит у него за спиной, молниеносным движением хватает Карми за волосы и, рывком подняв взвизгнувшую девушку на ноги, прижимается к стене, закрываясь ею, как щитом. Дуло снятого с предохранителя пистолета утыкается в висок, а наши взгляды встречаются, прожигая друг друга насквозь.

— Вот и пришел, — нервно засмеялся Катон, — я же говорил тебе, детка, что придет.

С отвращением вижу, как изо рта уроды брызжет слюна прямо на щеку брезгливо отворачивающейся Карми. Девушка достает ему до подбородка, своим телом закрывая практически полностью. Ее взгляд я не забуду никогда — даже в этой ситуации в зеленоватых глазах невольно плещется облегчение и радость, а измученные пересохшие губы нехотя растягиваются в слабой улыбке. Она верит в меня больше жизни.

— Командир, ты это... — Катон кивает куда-то в сторону, — Винтовку сюда, мне давай, а все, что у тебя есть сверху — кидаешь в сторону. Или мозги своей девки будешь собирать по всем стенам!

Выбора нет — кидаю автомат на пол к ногам ублюдка, потом, наклонившись, достаю штыковой нож и пистолет, и отбрасываю в сторону. В голове бьется лишь одна лихорадочная мысль — только бы убрал оружие от головы Карми.

— Это все? Курткуними!

— Может еще штаны снять, пидор?

— Пидор, говоришь? — безумный блеск в глазах Катона не означает ничего хорошего. Так и есть — давя с одной стороны Карми в висок пистолетом, он прижимается к ее щеке с другой, и кончиком языка облизывает шею за ухом. Карми зажмурилась и протестующе застонала, а Катон медленно облизал мочку уха еще раз, не отрывая от меня пристального взгляда. Наслаждается, мудила, своим превосходством.

— Давно мечтал трахнуть твою девку, и вот наконец трахнул, — раньше и не замечал, какой у него отвратительно-визгливый смех, — убью тебя, трахну ее еще раз и как обычно кончу ей на задницу. Прямо на родинку на левой ягодице.

Слабое место Катона — в невероятно раздутом самомнении и желании показать себя королем мира. Это его и погубит. Давно бы уже пристрелил меня, так нет, растягивает этой сладкий миг превосходства, по глоточку, по крупинке смакует мое унижение.

— Трахалась с ним? — рычу я Карми, смотрящей на меня уже испуганно и отчаянно мотающей головой.

— Эрик, я не... не...

— Ну же, детка, расскажи ему, как стонала подо мной, да еще и задом подмахивала, как заправская шлюха.

— Урок в тренерской прошел для тебя зря, — взбешенно ору ей, — сейчас будет повторение, понятно?!

Встретившись с ней глазами, показываю на пол вниз. Ошарашенная Карми еле заметно кивает головой. Надеюсь, что она меня правильно поняла, иначе это будет последнее, что мы друг другу говорили.

Катон, с улыбкой шизофреника следящий за нашей перепалкой, хотел что-то сказать, но резкий звук над головой заставил его на секунду отвлечься и поднять глаза.

— Давай! — заорал я, падая на пол.

Карми, понявшая мой намек о тренерской с полуслова, тут же рухнула на колени, благо, Катон ранее отпустил ее волосы. И в эту же секунду из вентиляционного проема на тресе выскользнул Марс. Прямо по пути вниз он поднял руку и выстрелил в так и стоящего столбом Катона. Не имея возможности толком прицелиться, попадает парню куда-то в плечо, заставив отшатнуться к стене. Рывок, и вот я уже одним ударом ломаю Катону челюсть, а рукой бью об колено кисть, держащую пистолет. Удар — кисть ломается с характерным хрустом, а Катон орет благим матом. Еще пара ударов — рука сломана в двух местах.

Карми, сидящая на полу, начинает пятиться назад, с ужасом глядя на эту картину. Сказавшееся напряжение рвет последний стоп-кран, и яростно, больше ничем не сдерживаемый, накидываю руки на шею упавшего на пол противника и сжимаю что есть сил,

выдавливая из урода последние остатки кислорода и жизни. Чувствую, как наливаются кровью глаза, как скрипят зубы и кипит все внутри, но внутренне ликую, прямо физически ощущая как жизнь покидает это ненавистное тело.

— Трибунал! — хрипит он, бешено вращая вытаращенными глазами, из последних сил вцепляясь мне в руку здоровой кистью. По закону я обязан отдать его под военный суд, но здесь и сейчас — Я — закон.

— Нет. У нее. Родинок. На. Заднице, — хриплю что есть сил в закатывающиеся глаза. Безобразно разинутый рот судорожно пытается схватить воздух, тело конвульсивно дергается, но проходит одна минута, две, и все кончено. Кровь еще толчками выходит из раненого плеча, капая на пыльный бетон пола, но тело уже неподвижно, а лицо обострилось в знакомой до боли «маске смерти».

*

— Мы с ним не... не занимались. Ну... — тихо шепчет мне на ухо Карми. Испуганная, дрожащая, с порезами и нервным шоком, но живая. Тонкие руки обвивают шею, хрупкое тело льнет ко мне, а я, не сдерживая эмоций, на глазах всего отряда что есть сил душу ее в своих объятиях, собирая губами крупные слезы, катящиеся по ее щеке. Запускаю руку в волосы, глажу затылок, пропуская сквозь пальцы жесткие от пыли пряди, не веря, что все обошлось.

— Я знаю, мы за вами постоянно следили. Твои подруги по несчастью уже наверху, кстати, все четверо, а большая часть изгоев уничтожена, — и, шумно выдохнув, добавляю, — едем домой.

Карми счастливо улыбнулась, но через секунду нахмурилась:

— Как четверо? Девушек было пятеро.

— Да, какая-то мелкая за вами выскочила, ищут ее сейчас.

— Это Эмбер, — Карми испуганно закрыла рот ладонью, — надо найти ее, она совсем одна, такая маленькая.

— Из-под земли достану. А ты — домой. Это приказ!

Уже практически тащу сопротивляющуюся девушку к выходу. Сначала выведу ее на поверхность, потом вернусь и поищу изгойскую девку. В момент, когда ее холодная ладонь грелась в моей руке, я готов был пообещать что угодно.

Встретив по пути группу раненых бойцов, быстро идем к выходу, как из глубины одного из темных коридоров послышался тихий, на грани шепота зов:

— Карми!

Бесстрашные как по команде оцетинились в ту сторону оружием.

— Стойте! Не надо! Это Эмбер!!! Эрик, это она!!! — Моя дурочка была бы не Карми, если бы в эту же секунду не бросилась к девчонке.

— Да куда, мать твою?! — ору я, не успев среагировать из-за тяжести опирающегося на меня раненого бойца. Какое-то время я потерял на то, чтобы аккуратно переложить руку стонущего парня со своих плеч на чужие и убедиться, что он не упадет. Обернувшись, вижу Карми,

подбегающую к невысокой девчонке в серой изгойской одежде. Голое колено малолетки в крови, поэтому изгойка идет медленно, подволакивая ногу. Девчонка, вцепившись в руку Карми, испуганно тычем пальцем куда-то назад. Карми, приобняв за талию, тащит ее вперед, стараясь идти так быстро, как способна раненая. Переходя на бег, с ужасом замечаю выглядывающего с другого конца бесконечного коридора изгоя — быстро оценив обстановку, тот выхватывает гранату и дергает чеку. Бросок, и я как в замедленной съемке вижу, как она приземляется недалеко от девушек.

— Назад!!! Назад, быстро!!! — ору я что есть сил и бегу к ним, но через несколько секунд мои слова тонут в грохоте взрыва. Среди обжигающего сетчатку яркого всполоха вижу лишь летящие в разные стороны остатки металлоконструкции и куски бетона. Рукой закрываюсь от волны пыли, летящей в глаза, не в силах осознать произошедшее.

Комментарий к Эрик. Агония. Гифочка к главе. Khrmanna, спасибо тебе за эту няшку-мотивашку)))

https://vk.com/doc222213678_438096977?hash=0bfe54851088677c63&dl=c216685b4269d1cc10

===== Эрик. Наказание. =====

После оглушительного грохота взрыва тишина показалась мертвой, фантастически неправдоподобной. Ловлю себя на том, что неосознанно шепчу, не переставая, одну и ту же фразу: «Твою мать, твою же мать...». Разум отказывается принимать неизбежное, руки и ноги вмиг стали ватными, неподъемными, а угол зрения сузился до размеров крошечной точки — небольшого бетонного пятка среди гор строительного мусора, на котором я в последний момент видел Карми. Плотная серая взвесь взорванного бетона начинает постепенно оседать вниз, обнажая ужасающую картину — ее нет на том месте. Да и само место, бывшее десять секунд назад достаточно просторным коридором, сейчас не узнать — это сплошь мешанина из разорванного камня, торчащих во все стороны кусков арматуры и миллионов кубометров пыли. Твою мать...

Оглушенный, будто в тумане иду туда, почти сразу переходя на бег, и бегу вперед, лишь огромным усилием воли переставляя ватные ноги. Вот он, мой главный пейзаж страха, кошмар, мучивший меня чуть ли не с первого дня инициации — бесконечно длинный коридор, в конце которого меня ожидает нечто страшное, неотвратимое. Впереди меня бежит отправленная Марсом группа бойцов — с разбегу они врезаются в плотную пелену пыли и прорываются вперед, туда, где изгой одним взмахом руки разделил мою жизнь пополам. Автоматная очередь — кинувший гранату ублюдок больше не представляет опасности. Изрешеченный пулями, он так и остался лежать на грязном полу.

Первое, что я увидел, подбежав ближе — огромное количество ссадин и неглубоких ран на длинной, некогда такой гладкой коже ноги, выглядывающей из-под задранного до середины бедра подола. Медленно поднимаю глаза выше — Карми лежит на животе, закрыв собой тощее тело мелкой изгойки. Рука с наполовину порванным рукавом вытянута вдоль туловища, вторая придерживает затылок девчонки. Видимо, даже падая, Карми старалась смягчить ее падение, не дав удариться затылком. Длинные волосы Бесстрашной из темных стали серо-пепельными. Ее лица я не вижу, но абсолютная неподвижность израненного тела вызывает в горле нестерпимую горечь и ком, который никак не получается сглотнуть. Ком с каждой секундой разрастается, перекрывая кислород, и мне приходится несколько раз шумно втянуть носом

воздух. Надо опуститься на колени, наклониться над ней, проверить пульс, оценить реакцию зрачков. Надо сделать хоть что-то, но я не могу сдвинуться с места. От одной только мысли, что эта маленькая ладошка, едва успевшая согреться у меня в руке, вновь стала мертвенно-ледяной... Лишь стою и ошарашенно смотрю на хрупкое тело, залитое кровью вперемешку с бетонной крошкой. Твою мать...

Рухнувший перед ней на колени Марс пару секунд послушал пульс и, подняв голову, что-то закричал мне. Мозг категорически отказывается воспринимать сообщение о ее смерти, и я лишь отстраненно смотрю в его встревоженные глаза, не слыша ни слова. Но через пару секунд по движению губ понимаю, что они произносят одно и то же:

— Живая!

И в этот момент с меня будто бы сняли непроницаемый стеклянный колпак — мертвая тишина вокруг вдруг наполнилась какофонией звуков, свет будто бы стал ярче и резче, а по телу пробежал мощный заряд энергии. Оттолкнув какого-то бойца, падаю рядом и команду:

— Расступиться, живо!

Аккуратно приобнимаю Карми за плечи и переворачиваю на бок — вся спина девушки изранена осколками, но лицо практически не задето. Глаза закрыты — она без сознания, но явственно дышит. В этот момент начал дышать и я.

— Надо уходить отсюда, — нервно выдыхает Марс, дотрагиваясь до огромной раны на лбу изгойки, которую она получила, скорее всего, когда падала, снесенная с ног взрывной волной. Соплячка также без сознания, но, благодаря тому, что Карми закрыла ее собой, практически не ранена. Дельная мысль, уходить надо не то слово, тем более, что окончательную зачистку подземки отряды сделают и без нас. Миссия закончена, осталось минимизировать наши потери — вывести всех раненых на поверхность.

Осторожно пристраиваю голову Карми в сгиб локтя и вытираю ладонью испачканное, будто загримированное серой пылью лицо. Дотрагиваюсь до приоткрытых губ, и в этот момент залепленные песком ресницы вздрагивают один раз, другой. Лихорадочно провожу ладонью по векам, по бровям — ну же, Карми, открой глаза! Наконец, дрогнув еще раз, веки начинают медленно приподниматься. Потухший, ни на чем не сфокусированный взгляд, будто бы смотрящий сквозь меня, все же вызывает непривычное ощущение — в уголках глаз начинает щипать. Девочка моя. Живая.

— Э... Э... — Карми пытается что-то сказать, но получается не сразу, — Эмбер!

— Да живая твоя соплячка! Контузия у вас обеих! — мгновенно раздражаюсь я. О себе надо думать, а не крыс помойных спасать!

Поднимаю глаза и оглядываю столпившихся вокруг бойцов.

— Рассредоточиться по позициям! Валим! Прикрываете нас сзади!

Не сговариваясь, вытаскиваем с Марсом из карманов на груди одноразовые капсулы противошоковой терапии. Сбив колпачок, одним движением, не целясь, втыкаю острие иглы в плечо Карми и пару секунд слежу за тем, как ярко-синяя жидкость убегает из шприца прямо в тело. Не знаю и не хочу знать, что туда намешала Эрудиция, но жидкость мгновенно обеззараживает ткани, не давая всякой хрени проникнуть в кровеносную систему, плюс выплескивает мощный поток адреналина, способный временно поднять на ноги даже мертвого.

Марс все те же действия проделывает с до сих пор не пришедшей в себя девчонкой.

Почти сразу по телу Карми проходит резкий болезненный спазм, заставивший девушку напрячься всеми мускулами, резко выгнуть спину и застонать. Потерпи совсем немного, потом будет легче. В нескольких сотнях метров в глубине темных лабиринтов уже слышны звуки приближающейся стрельбы — надо срочно валить отсюда. Стягиваю свою куртку и бережно, как ребенка, укутываю ее, дрожащую от пережитого шока и холода, в теплый кокон, скрывающий порванное осколками платье и израненную кожу. Рывком ставлю Карми на ноги — давай, детка, ты сможешь. Но нет, сильная контузия налицо — Карми не может стоять, не может сфокусировать взгляд, полностью дезориентирована. Покрытые коркой пыли губы пытаются снова что-то прошептать, но девушка вновь находится на грани обморока — обмякает у меня в руках. Подхватываю ее и, аккуратно прижимая голову к груди, несу к выходу. Все закончилось, Карамелька, все закончилось... Пора домой.

*

Как потом показало расследование — ей чертовски повезло. Невероятно, фантастически, буквально на один шанс из тысячи. Только лишь случайное стечение обстоятельств оставило в живых ту, которая стала мне дороже жизни.

Уже после, бродя посреди разрушенного коридора, я смог вычислить примерное местоположение девушек во время взрыва — от разорвавшегося снаряда и смерти их отделяло всего ничего. Главная удача была в том, что кинутая граната была не оборонительная, а всего лишь наступательная, радиус поражения которой в десятки раз меньше. Швырнувший ее изгой был ранен, поэтому не смог как следует осуществить бросок — до цели граната не долетела, приземлившись в нескольких метрах от девушек. Также Карми, увидевшая угрозу, успела за три с половиной секунды до детонации сообразить, что бежать с раненой в ногу изгойкой не получится, а, значит, надо спрятаться. Не знаю, каким чудом, но она успела протащить ее почти два метра и кинуть за бетонный блок, который ослабил действие взрыва и уберег от основной волны осколков. Они отделались лишь неглубокими ранами, контузией с временной потерей сознания и ушибами. Любая случайность могла бы стать роковой — другой вид гранаты, отсутствие какого-либо укрытия, более точное попадание в цель...

Несколько дней понадобилось на полную зачистку всех доступных лабиринтов, тоннелей и переходов бывшей чикагской подземки. Лишь несколько изгоев предстали перед судом Искренних, большая же часть была уничтожена на месте. Были также найдены несколько пленниц — девушек, уже много лет назад превращенных в рабынь. Избитые, покалеченные, бывшие в руках своих мучителей бесправной вещью, они до конца не верили, что кошмар закончился, а они свободны. Несколько направленных взрывов — и все подземелье оказалось безнадежно затоплено во избежание образования аналогичных преступных укрытий. Мы вытоптали, выпотрошили и утопили весь этот гадюшник на корню.

Морально опустошенный после бесконечной череды межфракционных совещаний, где пришлось в очередной раз отчитываться о проведенной операции, неохотно захожу в свою вот уже несколько дней пустующую квартиру. Без Карми здесь снова тоскливо, холодно и мрачно. Уже было собираюсь уйти — куда угодно, в Яму, например, но замечаю деталь, которой не было раньше — пластиковую ключ-карту, лежащую на полке. Тааааак...

Еще не зайдя в ванну, вижу ее, стоящую перед зеркалом в одном нижнем белье. Карми яростно мажет какой-то мазью порез на щеке, сосредоточенно и хмуро разглядывая свое отражение.

Лишь едва зажившие шрамы на спине и ногах напоминают о том взрыве — такие ранения в Эрудии лечат за несколько дней, благо технологии сейчас у них самые что ни на есть передовые. Вот только...

— Ты должна лежать на жопе ровно в больнице, а не перед зеркалом крутиться! — не рассчитав силы голоса, рявкнул так, что Карми подскочила на месте.

Обернувшись, посмотрела на меня с такой радостью, что внутри все заныло — в очередной раз навязчивая мысль скрутила внутренности в болезненный узел — а ведь я мог потерять ее.

— Эрик! — смахнув с лица волосы, заулыбалась еще шире.

— Кто тебя выпустил?

— Сама!

— Сама?! — разозлившись, наступаю на нее, заставляя пятиться назад. Какого черта! Будет о чем поговорить с Джанин, до последнего сопротивляющейся идее заменить никчемных эрудитских охранников на опытных Лихачей. Вот еще один аргумент — ее сопляки не смогли уследить даже за одной-единственной контуженной на всю голову Бесстрашной, с которой было велено не спускать глаз. А ее приказ был, кстати, не рыпаться, а спокойно лечиться. В очередной раз нарушаем, значит.

Отступившая до самой стены Карми, с легкой улыбкой дождавшись, пока я подойду вплотную, вдруг порывисто обнимает меня, прижимается всем телом и, уткнувшись носом в шею, шепчет:

— Я соскучилась.

Шумно вдыхаю, ощущая вьевшийся в волосы девушки характерный больничный запах, и подхватываю ее на руки, с удовольствием сжимая мягкую ткань полупрозрачных трусиков, прикрывающих упругую задницу.

Донеся до кровати, хочу швырнуть ее и навалиться сверху, подмять под себя, закрыть, отгородить от всего мира. Хочу хватать губами, прикусывать, гладить каждый сантиметр ее тела, чтобы ощущать — моя, только моя, теплая, податливая, живая. Но вовремя вспоминаю, что осколки оставили на ее спине не зажившие до конца раны, поэтому сам падаю на кровать спиной, потянув ее на себя. И вот, она лежит на мне, с силой сжимая бедра коленями и трется голым животиком, вызывая болезненное желание. Держа ее за затылок, не даю прервать поцелуй, вся яростнее впиваясь в мягкие губы, все настойчивее и агрессивнее проникая ей в рот языком. Стянув трусики на бедра, глажу аккуратную задницу, заранее предвкушая, каким будет ее сегодняшнее наказание. Проникаю пальцами между бедер, поглаживая горячие влажные складки. Карми как всегда чутко реагирует на меня — ее тело начинает неосознанно двигаться мне навстречу. Не выдержав, выскальзывает из кольца рук и, приподняв мне футболку, целует живот, опускаясь все ниже и ниже. Приспускает расстегнутые штаны и проводит по напряженным мышцам живота сначала ладонками, затем кончиками пальцев, коготками. Наклонившись, дразнит кончиком языка, тут же легонько дуя. Член уже стоит как парус, но она лишь играет со мной — проводит губами и языком максимально близко, но не делает попыток утолить сжигающее меня желание. Острый язычок обжигает чувствительную кожу лобка, а я пытаюсь схватить ее за волосы, чтобы притянуть к себе, заставив, наконец, этот рот поработать как надо. Но Карми лишь улыбается и не поддается.

— Доиграешься, — хриплю ей, — сучка...

Наконец, издевательски медленно проводит языком от основания члена к головке. Пытка становится невыносимой. Резким движением поднимаюсь и, схватив за шею взвизгнувшую в притворном испуге Карми, толкаю к стене, прижав голой грудью к полированной поверхности. Доигралась. Вывернув руки за спиной, не скрывая удовольствия, разглядываю ее, стоящую на коленях, с длинными, до поясницы, распущенными волосами. Коленом раздвигаю ноги и наконец, зарывав от наслаждения, вхожу в тут же подавшаюся мне навстречу девушку. Сразу же набираю хороший темп, наблюдая, как она извивается, тянется мне навстречу, как царапает ногтями стену перед собой и запрокидывает голову, всем своим существом умоляя двигаться быстрее. Сильно, яростно, по-хозяйски, накрутив тяжелые локоны на кулак. К слову о ярости...

— Помнишь какое наказание я тебе обещал за саботаж?

Толчок. Второй. Карми отрицательно мотает головой и стонет что-то неразборчивое.

— Вспоминай! Там, в бункере, посреди леса.

Толчок. Еще и еще. Обхватив подбородок, поворачиваю голову к себе и впиваюсь в приоткрытые влажные губы, ловя ее сбившееся дыхание.

— Не помню... — ее сладкий стон напоминает кошачье мурлыканье.

Хм, не помнит. Сейчас вспомнит. Выхожу, тут же продолжив ласкать ее руками. Как же она хорошо реагирует на меня. Блестящим от ее соков пальцем поднимаюсь чуть выше, поглаживая и мягко, но настойчиво надавливая на последнюю оставшуюся девственной часть ее тела. Прижавшись губами к щеке, ласково выдыхаю:

— Я тогда сказал, что есть еще виды секса для тех, кто плевать хотел на приказы.

Сначала она не поняла о чем я, продолжая доверчиво прижиматься, но, когда мой палец, преодолевая сопротивление узкого кольца мышц, начал проникать все глубже, встрепенулась и, охнув от неожиданности, завертелась на месте.

— Нет, Эрик, не смей, я не хочу так... я не буду...

Ухмыльнувшись, шепчу в ответ:

— Будешь!

Сильнее прижимаю ее к стене, для верности обхватив плечи рукой, и начинаю проникать, внимательно следя за реакцией. Медленно, очень медленно, давая ей понемногу привыкнуть и приспособиться к моим размерам. Карми дергается, пытается меня оттолкнуть, прося остановиться, но при особо громком протестующем стоне я лишь закрываю ей рот ладонью, за что тут же получаю несколько глубоких царапин на кисти.

— Потерпи немного...

Войдя до конца, также не спеша выхожу, потом еще и еще. Тело Карми напряжено, кулаки сжаты, но протесты и хныканье постепенно стихают — лишь изредка наши стоны разбавляет ее сбитое дыхание. Она смирилась с неизбежным, но поняла, что боль уходит, и уже сама с интересом прислушивается к своим ощущениям.

— Расслабься.

— Иди ты к черту... — снова закрываю ей рот ладонью, отмечая, что девушка заметно успокоилась, хотя до получения удовольствия ей, конечно, еще далеко.

Долго сдерживаться невозможно, поэтому через пару минут рычу сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как вместе с семенем из тела уходит все напряжение, тревога и злость. Обнимаю ее, переводя дыхание, потом откидываюсь на кровать. Толком еще не придя в себя, тут же получаю подушкой по лицу.

— Гребаный извращенец!

Вторую подушку успеваю перехватить в последний момент.

— Да чтобы ты каждого провинившегося бойца так наказывал! — раздраженно выкрикивает Карми, пытаюсь слезть с кровати, — каждого, понял??? Не взирая на пол!

Но не успевает увернуться — хватаю ее за руку и бросаю обратно рядом, подминая под себя. Бровки сурово сдвинуты, царапается и отталкивает меня, но в глубине смотрящих с вызовом глаз вижу знакомый задорный блеск.

— Это больно вообще-то, — немного потрепыхавшись, она сдается, обиженно надув губы и замерев в моих объятиях.

— Хоть раз еще наплюешь на приказ — и тебя снова ждет много интересного.

— Но, — Карми торжествующе ткнула меня пальчиком в грудь, — я выполнила задание на все сто, и с этим ты не поспоришь! Даже при том, что там оказался этот псих, я смогла. Я справилась.

Оглядев ее с ног до головы долгим взглядом, молча целую, успокаивающими движениями поглаживая точеную талию, мягкую грудь, бедра. Врать самому себе не получается — задание она и правда выполнила безупречно.

Решительная, смелая, бесстрашная.

Нежная, хрупкая, пылкая.

Моя.

PS: Карми лично благодарит Khrmanna за подсказанный способ наказания. Спасибо, говорит, сестра, удружила)))))))))

Комментарий к Эрик. Наказание. Условная картиночка (18+)

http://img-fotki.yandex.ru/get/4111/fidelevna2009.8/0_1cddb_331194dd_XL

===== Эмбер. Выбор. =====

Один из абзацев - целиком и полностью тебе, Алёнка. Ты знаешь, какой именно))

Открываю глаза и, в очередной раз, как и в предыдущие дни, не могу поверить, что все увиденное — реально. Эта просторная белоснежная палата, широкая мягкая кровать с хрустящим постельным бельем, заботливые Эрудитские медсестры с полными подносами

самой разной еды и долгожданные тишина, покой, безопасность. В первые дни нахождения здесь, в бесконечно огромном здании больницы фракции Умников, мне кусок в горло не лез, но они, эти ангелы, заботливо кормили меня с ложечки, а затем аккуратно промывали раны. Все это было настолько не похоже на мою реальную жизнь, что в первый день я всерьез думала о том, что умерла и попала в рай. Но в раю, говорят, ожоги и раны не болят, а у меня ноют постоянно, даже несмотря на все ухищрения гениев в синих одеждах.

Поворачиваю голову и, не скрывая радостной улыбки, смотрю на кровать напротив. Слезы радости сами по себе заволакивают глаза, а в горле встает ком от нахлынувших эмоций. Откидываю одеяло и ступаю босыми ногами на теплый пол стерильно чистой палаты. Небольшая перебежка, и вот я уже забираюсь на противоположную кровать, ныряю под одеяло и что есть сил прижимаюсь к теплому плечу, одетому в точно такую же больничную форму, как у меня. Только размером чуть больше. Мамочка, моя милая мамочка, которой еще совсем недавно болезнь отсчитывала последние дни, лежит теперь со мной в этой шикарной палате для избранных. Осунувшаяся, сильно похудевшая и изможденная, но все же уверенно идущая на поправку. А ведь всего несколько дней назад ее привезли сюда на грани жизни и смерти — известие о моей пропаже и нечеловеческие волнения подкосили ее еще больше. Всего несколько дней в человеческих условиях при наличии необходимых медикаментов — и самый дорогой мне человек спасен. Эти простые, в сущности, блага недоступны для нас, изгоев, но обыденны для тех, кто имеет власть. И я соглашусь еще не раз снова пройти все круги ада, в которые превратилась моя жизнь с момента похищения, лишь бы опять иметь возможность познакомиться с Карми. Ведь лишь благодаря ее заботе и отзывчивости, а также приказу ее властного мужа, Лидера Бесстрашия, у мамы есть возможность жить. А значит, и у меня.

Проснувшаяся мама обнимает меня слабыми руками и прижимает к себе, а я, зажмурив глаза от счастья, подставляю лоб под поцелуй бледных губ. Все будет хорошо, мамочка, ведь нет ничего важнее того, что мы снова вместе.

Засыпая, убаюканная маминым теплом, снова и снова прокручиваю в памяти тот страшный вечер — самого взрыва я не помню, но знаю по рассказам, что меня спасла Карми, закрыв собой, а потом вытащил из-под обломков и привел в чувство один из Бесстрашных командиров, образ которого навечно останется в моей памяти. Высокий статный парень, назвавшийся Марсом, на руках вынес меня из подземки, а потом, пока я лежала головой на его коленях по дороге в больницу, вытирал лицо стерильными салфетками и, не отрывая взгляда, просил говорить с ним, смотреть, требовал отвечать и слушать, лишь бы я снова не лишилась сознания. Я никогда не забуду полные беспокойства медово-карие глаза, смотрящие на меня с тревогой и волнением, не забуду огромное облегчение на его лице, когда первый осмотр врачей дал понять, что со мной все в относительном порядке. Накачанные руки, татуированные рядами каких-то символов, огромные ладони, в которых моя рука просто тонула — мой спаситель напоследок улыбнулся мне улыбкой, от которой мое сердце первый раз в жизни екнуло и забыло сделать удар. С улыбкой на лице я уснула, точно зная, что следующий день будет таким же теплым и радостным.

А через месяц случился тот самый переворот во фракционной системе, о котором совсем недавно писали все газеты — была отобрана экспериментальная группа из десяти подростков-изгоев, которым было разрешено пройти наравне со всеми Церемонию Выбора. И снова лишь благодаря Карми и ее активному участию в моей жизни я попала в эту группу.

И сейчас, стоя в огромном гулком зале, наполненным смехом полусотни людей и прямо физически ощущаемым предвкушением грядущих перемен, я почувствовала себя на пороге новой жизни. Ощущения кружили голову и заставляли руки дрожать — здесь и сейчас я

должна сделать свой выбор, принять решение, от которого будет зависеть вся моя дальнейшая жизнь. И жизнь мамы, которая всего лишь час назад, веселая и полностью оправившаяся от болезни, заплетала мне волосы в нашем маленьком ржавом контейнере на самом краю изгойского квартала. Под пристальными взглядами других подростков, равнодушными, но больше презрительными, я иду к чашам. Блестящий нож в руке дрожит от напряжения, но выбор мной сделан окончательный, остались лишь необходимые формальности. И я, глубоко вздохнув и зажмурив глаза, делаю длинный надрез, тихонько охнув от резкой боли. Мой выбор предрешен всем моим существованием, я никогда не видела и сейчас не вижу для себя другого пути. Только так.

Когда первая капля крови упала в чашу, я обернулась и посмотрела на стоящую у самых дверей красивую темноволосую девушку, одетую в безумно идущую ей черную форму. Карми удивленно вскинула брови, а в глазах читалось недоумение. По ее мнению, я должна была сделать другой выбор? Улыбаюсь и легонько качаю головой. Она же, улыбнувшись в ответ, грустно кивает. Она меня поняла. Изгоев есть кому защищать, и эта отважная хрупкая девушка тому пример, но нам, то есть теперь уже ИМ, требуется не только защита, но еще и помощь, и еда, и одежда. А иногда и просто доброе слово. И мамочка всегда будет под моим присмотром.

Под громкий, отдающийся эхом в стенах огромного зала, голос распорядителя Церемонии иду в сторону тех, кто отныне стал моей семьей.

— Эмбер Бейли — Отречение!

PS: Спасибо, что были со мной, читали и комментировали! Каждый ваш отзыв радовал меня и вдохновлял на новые главы)))

Комментарий к Эмбер. Выбор. Буду рада видеть вас в группе)

Арты, вижурал, анонсы работ

<https://vk.com/club137518806>